

~~7. IV~~ 568422 22
~~3485~~

Михайлу скарбовому
С. Мекененко

О Ч Е Р К Ъ

от автора

РАЗВИТІЯ

24 февраля
1885 года
Хиряков

П С И Х О Л О Г І И

СЪ ДЕКАРТА ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

~~7. IV~~
~~3485~~

~~1713~~
~~217~~

Ф. А. Зеленогорскаго.

I.

ХАРЬКОВЪ.
Въ Университетской Типографіи.
1885.

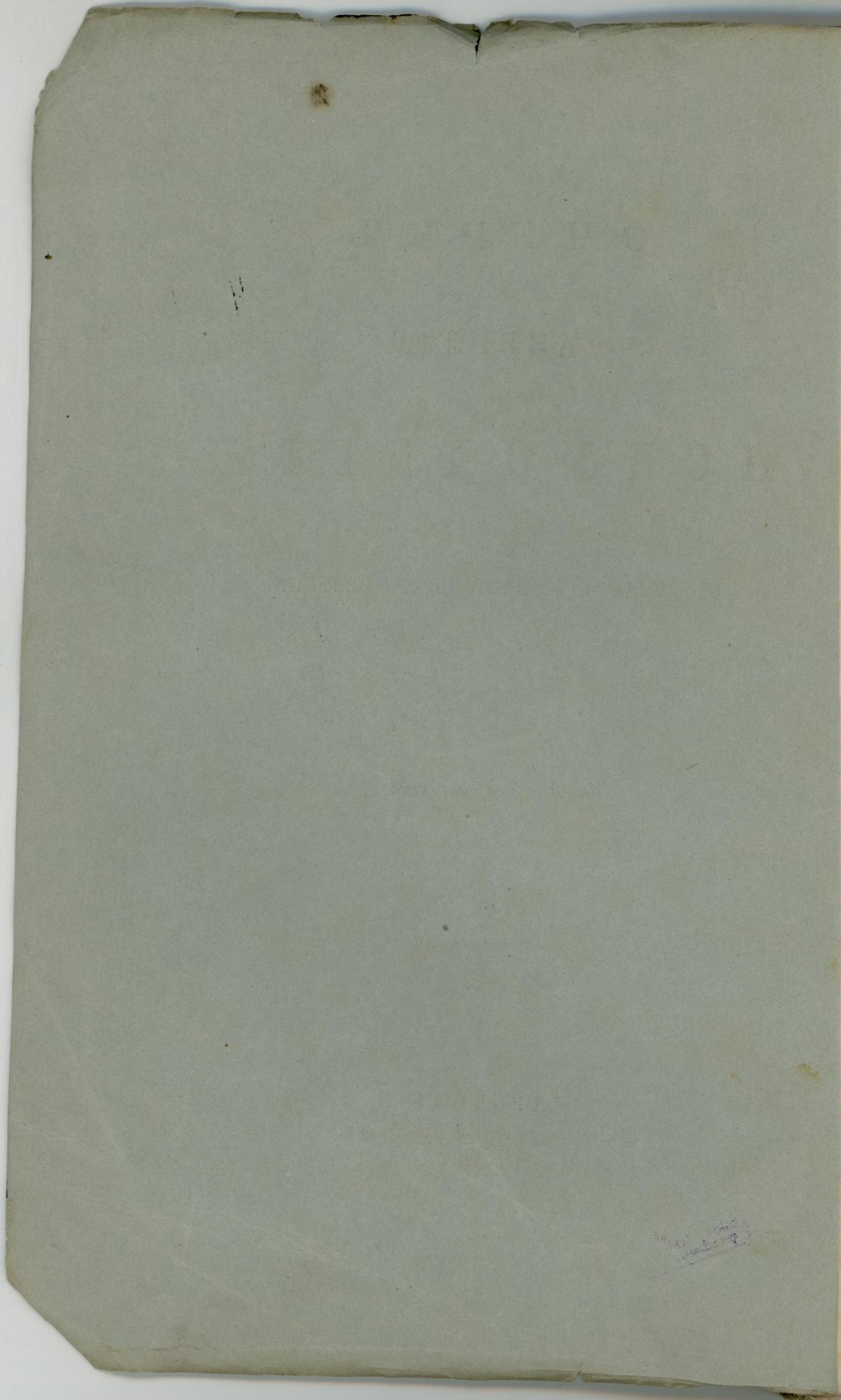
Сочиненія того-же автора.

~~~~~  
Ученіе Аристотеля «о душѣ» въ связи съ ученіемъ  
о ней Сократа и Платона. С.-Петербургъ. 1871.

О математическомъ, метафизическомъ, индуктивномъ  
и критическомъ методахъ изслѣдованія и доказатель-  
ства. Харьковъ. Въ Университетской Типографіи. 1877.

—







О Ч Е Р К Ъ  
РАЗВИТІЯ  
П С И Х О Л О Г І И

СЪ ДЕКАРТА ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

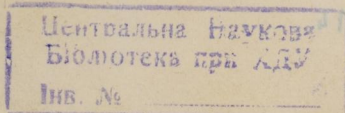
Ф. А. Зеленогорскаго.

Ἄλλο μὲν τί ἐστὶ τὸ αἷτιον τῶ ὄντι,  
ἄλλο δ' ἐκεῖνο ἄνευ οὗ τὸ αἷτιον οὐκ ἂν  
ποτ' εἴη αἷτιον.

Phaedon. 99, B.

I.

ХАРЬКОВЪ.  
Въ Университетской Типографіи.  
1885.



7.11.  
3485

58422

59.



1885

О Р Е Р  
В А З В И Т І Я  
П С Н Х О Т І Н

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОДЪ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Напечатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Харь-  
ковскаго Университета.

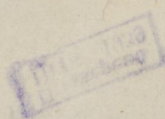
Ректоръ И. Щелковъ.

АЛЛО МЕН ТІ БОТ ТО АІТОН ТР БОТ  
АЛЛО О ЕКЕІНО АІВЕР ОД ТО АІТОН ОУХ ОА  
КОТ. АІВЕР АІТОН.  
P. 1885.

1.

ХАРЬКОВЪ.  
Въ Университетской Типографіи.  
1885.

У Н Х Н  
2014





## ПРЕДИСЛОВІЕ.

Начало этого сочиненія относится еще къ тому времени, когда въ нашей литературѣ возникла полемика о психологіи какъ наукѣ (Сѣченовъ, Кавелинъ). Въ этой полемикѣ опредѣленно и рѣшительно высказано было мнѣніе, что психологіи, какъ науки, еще не существуетъ. Это мнѣніе довольно распространено у насъ, а вслѣдствіе этого господствуетъ пренебрежительное отношеніе ко всей той психологической литературѣ, которая явилась раньше и относится уже къ исторіи науки. Такое отношеніе къ психологическимъ трудамъ предыдущихъ вѣковъ, по нашему мнѣнію, несправедливо и можетъ быть вредно для науки. Въ этихъ трудахъ, по нашему мнѣнію, положены начала строго научнымъ изслѣдованіямъ психическихъ явленій; психологія, какъ наука, имѣетъ уже свою исторію, которую, какъ намъ кажется, не слѣдуетъ современному психологу игнорировать, дабы не впасть въ самообольщеніе. Въ-виду вышеуказаннаго господствующаго мнѣ-



нія, мы рѣшились хотя кратко изложить историческое развитіе психологіи въ томъ направленіи, которое ближе всего стояло къ развитію естественныхъ наукъ и было въ-зависимости отъ послѣдняго. Въ этомъ направленіи преслѣдовалось по преимуществу научное изслѣдованіе психическихъ явленій по образцу изслѣдованія явленій міра физическаго.

Историческое изученіе философскихъ наукъ привело насъ къ тому убѣжденію, что развитіе ихъ шло рука-объ-руку съ развитіемъ естественныхъ наукъ и въ-зависимости отъ послѣднихъ. Относительно логики мы старались доказать это въ другомъ сочиненіи — «О методахъ изслѣдованія и доказательства»<sup>1</sup>. Ту-же цѣль мы преслѣдуемъ и въ этомъ сочиненіи относительно психологін. Въ данномъ случаѣ нашъ трудъ облегченъ статьей англійскаго писателя Коле, которая представила намъ готовую программу для выполненія задуманной нами цѣли. Правда, программа оказалась нѣсколько узкою и намъ пришлось расширить ее. Тѣмъ болѣе указанная статья, напечатанная на 30-ти страницахъ, не могла доставить намъ всего того содержанія, которое заключается въ нашемъ сочиненіи. Какъ-бы ни посмотрѣлъ читатель на тѣ заимствованія, которыя сдѣланы нами изъ статьи Коле, мы предупреждаемъ, что при составленіи сочиненія нами

<sup>1</sup> О математическомъ, метафизическомъ, индуктивномъ и критическомъ методахъ изслѣдованія и доказательства. Харьковъ. 1877.



руководила не претензія на оригинальність, а желаніе сообщить нѣсколько специальныхъ свѣдѣній объ историческомъ развитіи науки, въ самобытности и существованіи которой доселѣ существуютъ у нѣкоторыхъ сомнѣнія.

Такъ-какъ представители психологіи, на которыхъ мы останавливаемся въ сочиненіи, преслѣдовали главнымъ образомъ научныя цѣли, то предметомъ ихъ изученія были по преимуществу тѣ психическія явленія, въ которыхъ наиболѣе очевидно дѣйствіе закона необходимости, — сосуществующія ли то явленія или послѣдовательныя. Отсюда является у психологовъ XVII и XVIII столѣтій нѣкоторая односторонность изслѣдованій и ограниченность явленій, составляющихъ кругъ ихъ изученія. Самымъ выдающимся фактомъ въ исторіи эмпирической психологіи XVII и XVIII столѣтій является стремленіе вытѣснить изъ психологіи схоластическое ученіе «о свободной волѣ» и создать теорію «философской необходимости». Но, какъ показала послѣдующая исторія психологіи, это послужило къ тому, чтобы поставить вопросъ о свободной волѣ на болѣе правильный научный путь изслѣдованія. Указывая на фактъ борьбы научной психологіи съ схоластическимъ ученіемъ о свободной волѣ, — фактъ, легко объяснимый изъ чисто научныхъ стремленій представителей этого направленія психологіи, не можемъ не указать на другой фактъ: въ ряду перечисленныхъ нами психологовъ мы почти не встрѣ-



чаемъ такихъ, которыхъ мы могли бы назвать чистыми материалистами. Тѣмъ менѣе, по нашему мнѣнію, благопріятствуютъ материализму результаты, добытые наукою психологіей. Но вопросы о матеріи и духѣ относятся уже къ метафизикѣ.



Въ-виду заглавія сочиненія мы должны сдѣлать оговорку. Мы не беремся представить здѣсь читателю всю исторію развитія психологіи съ Декарта до настоящаго времени; мы хотимъ показать въ настоящемъ очеркѣ ступени развитія психологіи въ одномъ только направленіи. Это направленіе англійскій писатель Колье опредѣляетъ такимъ образомъ: каждая ступень въ развитіи психологіи (съ Декарта до настоящаго времени) соответствуетъ такой-же ступени въ эволюціи естественныхъ наукъ; каждое психологическое развитіе имѣетъ свою причину и условіемъ такой-же шагъ (въ развитіи естествовѣдѣнія); прогрессъ психологіи въ основныхъ истинахъ и ея болѣе полное освобожденіе отъ теологіи и метафизики могутъ быть измѣрены періодами, когда физическіе методы, физическія концепціи и физическіе термины въ переносномъ смыслѣ были прилагаемы къ истолкованію фактовъ духа (Westminster Review. № XC, April. 1874. стр. 378).

---



Въ-виду затѣвѣ соединенія ми должны сдѣлать оговорку. Ми не беремъ представлять здѣсь явственно всю исторію развитія психологич. съ Дарвѣ до настоящаго времени; ми хотимъ по-казывать въ настоящемъ очеркѣ ступени развитія психологич. въ одномъ только направленіи. Это направленіе анималистич. исторіи. Ноже опредѣляетъ такимъ образомъ: каждая ступень въ раз-витіи психологич. (съ Дарвѣ до настоящаго времени) соот-вѣтствуетъ такой-же ступени въ эволюціи естественныхъ на-ч. каждое психологическое развитіе имѣетъ своею причину и ус-ловіемъ такой-же шире (въ развитіи естественн.) ; про-теростъ психологич. въ основаніяхъ истинахъ и въ болѣе поздное осовожденіе отъ теологич. и метафизич. могутъ быть названы періодами. Коль физическіе методы, физическія концепціи и фа-зисы теоріи въ переносѣхъ снискъ были привнесены въ исторію фактомъ дѣла (Westminster Review. № XC, April.

1874. стр. 378).



## ГЛАВА ПЕРВАЯ.

### Декартъ, Говвсъ и Спиноза.

Декартъ. Некоторые изъ французскихъ и шотландскихъ писателей называютъ Декарта отцемъ психологіи, какъ науки. Догальдъ Стюартъ выражается о Декартъ даже такимъ образомъ: онъ есть отецъ экспериментальной философіи человѣческаго духа<sup>1</sup>. Это былъ, говоритъ онъ, первый философъ, который ясно и удовлетворительно изложилъ различіе между духомъ и тѣломъ и указалъ истинный методъ для изученія интеллектуальной философіи<sup>2</sup>. Терминъ: экспериментальный, употребленный въ данномъ мѣстѣ Догальдомъ Стюартомъ, не долженъ вводить въ заблужденіе читателя, привыкшаго соединять съ нимъ извѣстное представленіе, усвоенное ему въ физикѣ и другихъ естественныхъ наукахъ, и подъ именемъ истиннаго метода для изученія интеллектуальной философіи не слѣдуетъ разумѣть того экспериментальнаго изслѣдованія психическихъ явленій, которое производится въ настоящее время нѣкоторыми нѣмецкими и другихъ странъ физіологами. Догальдъ Стюартъ имѣетъ въ-виду субъективный методъ изслѣдованія психическихъ явленій на основаніи самонаблюденія и рефлексіи; съ этой точки зрѣ-

<sup>1</sup> Dissertat. on progress of Philosophy.

<sup>2</sup> Elements of the Philosophy of the human mind. Tom. I, not. A.



ніа онъ и оцѣниваетъ заслуги Декарта въ области психологіи. Вообще Декартъ, какъ психологъ, разсматривался этими писателями на-столько, на-сколько онъ сдѣлалъ попытку объяснить природу и дѣятельность высшихъ способностей духа — интеллекта и воли на основаніи субъективнаго метода.

Но Декарту принадлежитъ первая попытка приложить и объективный методъ къ истолкованію психическихъ явленій. Онъ является натуралистомъ и въ области психологіи и пользуется при объясненіи психическихъ явленій тѣми средствами, которыя даютъ современныя ему естественныя науки.

Ко времени Декарта изъ наукъ сдѣлали успѣхи математика и механика. Первая даетъ Декарту возможность выработать научный методъ; вторая обогащаетъ его запасомъ новыхъ научныхъ концепцій, которыми онъ пользуется для своихъ дедукцій при истолкованіи фактовъ, относящихся, по его мнѣнію, къ физиологіи.

Изъ правилъ метода Декарта особенно важны два: а) каждый изъ трудныхъ вопросовъ, который берется для изслѣдованія, дѣлится на столько частей, на сколько будетъ возможно и на сколько будетъ нужно для лучшаго рѣшенія вопроса; б) излагать свои мысли въ порядкѣ, начиная съ предметовъ болѣе простыхъ и болѣе легкихъ для познанія, чтобы постепенно дойти до болѣе сложныхъ предметовъ<sup>1</sup>. Въ послѣднемъ правилѣ заключается весь секретъ метода, — замѣчаетъ Декартъ. Онъ научаетъ насъ тому, что всѣ предметы могутъ быть раздѣлены (классифицированы) на различныя ряды, не потому, что они относятся къ извѣстному виду бытія, но потому, что они могутъ быть познаны одни чрезъ другіе<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Discours de la méthode par Jul. Simon, стр. 12 — 13.

<sup>2</sup> Oeuvres de Descartes, par Cousin. Tom. II, стр. 226. Règles pour la direction de l'esprit.



Въ-силу этого метода Декартъ является прежде всего классификаторомъ. Сначала, говоритъ онъ, я описалъ матерію. Потомъ я показалъ, какъ большая часть матеріи этого хаоса вълѣдствие дѣйствія законовъ должна располагаться и приходитъ въ порядокъ по извѣстному образцу...., какъ, далѣе, нѣкоторыя изъ этихъ частей должны составить землю, а другія — планеты и кометы, иныя же — солнце и неподвижныя звѣзды. Я продолжалъ потомъ говорить въ-частности о землѣ, гдѣ говорилъ о водѣ, воздухѣ, огнѣ, минералахъ и нѣкоторыхъ другихъ предметахъ, которые болѣе общи и болѣе просты. Послѣ описанія неодушевленныхъ тѣлъ и растений, я перешолъ къ животнымъ и въ-частности къ человѣку и т. д.<sup>1</sup>

Такой методъ является весьма плодотворнымъ для науки прежде всего въ томъ отношеніи, что даетъ цѣлые ряды весьма мѣткихъ и точныхъ описаній и характеристикъ, т. е. указываетъ общіе и различныя признаки въ различныхъ видахъ существъ. Сочиненія Декарта богаты образцами такого описательнаго характера. Обратимся для примѣра къ его статьѣ — «О ростѣ и питаніи». Существуетъ, говоритъ онъ, два вида роста; одинъ принадлежитъ существамъ, которыя не живутъ и не питаются и которыя создаются чрезъ простое наслоеніе частицъ безъ всякаго измѣненія этихъ частицъ или по-крайней-мѣрѣ безъ преобразования ихъ: такимъ образомъ растутъ металлы въ рудникахъ, камни и проч. Другой видъ роста принадлежитъ существамъ, которыя живутъ и питаются. Здѣсь происходитъ всегда извѣстное измѣненіе частицъ; ибо различныя частицы различной формы сталкиваются между собою и мѣшаются и въ этомъ смѣшеніи реагируютъ одна на другую, пока не получатся извѣстныя опредѣленныя формы и т. д.<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Discours de la méthode par Simon, стр. 28 — 29. part. V.

<sup>2</sup> Oeuvres inédit. de Descartes, par Foucher de Coreil, стр. 108. Physiologica.



Особенно отличается указаннымъ описательнымъ характеромъ пользующееся извѣстностію психологическое сочиненіе Декарта: «О страстяхъ» (*De passionibus*). Здѣсь Декартъ характеризуетъ эмоціи или душевныя волненія со стороны внутреннего содержанія ихъ и со стороны вѣшнихъ проявленій или признаковъ, какъ-то: біенія пульса, сердцебіенія, дыханія, краски или блѣдности лица и проч. Эти описанія — не риторическія; они имѣютъ научный характеръ. Такъ-какъ они основаны на классификаціи, то съ ними нераздѣльно связанъ анализъ, который полагаетъ основаніе строго научному изслѣдованію, направленному къ раскрытію причинной связи, хотя сами по себѣ описанія раскрываютъ лишь сосуществующія явленія. Классифицируя эмоціи по ихъ простотѣ и сложности, Декартъ старается опредѣлить отношенія между ними и указать происхожденіе сложныхъ эмоцій изъ простыхъ и способы ихъ генезиса. Къ первичнымъ эмоціямъ онъ относитъ слѣдующія: удивленіе, любовь, ненависть, желаніе, радость и печаль. «Всѣ прочія страсти слагаются, говоритъ онъ, изъ нѣкоторыхъ указанныхъ шести или составляютъ ихъ виды»<sup>1</sup>.

Но методъ Декарта не ограничивается одною классификаціей и описательными приѣмами; дальнѣйшій методическій приѣмъ, которымъ пользуется Декартъ, есть дедукція. Последняя имѣетъ своею цѣлю объясненіе явленій изъ причинъ и составляетъ высшую, конечную цѣль науки. Классификація prepares до извѣстной степени дедукцію. Она постепенно приводитъ къ познанію простаго и сложнаго, абсолютнаго, независимаго и относительнаго, родового, видового и индивидуальнаго, всеобщаго и частнаго и т. д. и такимъ образомъ намѣчаетъ, откуда должна отправляться дедукція и что должно быть принято за причину, какъ начало ея. Простое, всеобщее абсолютное есть вмѣстѣ и при-

<sup>1</sup> Oeuvres de Descartes, par J. Simon, стр. 553.



чина; сложное можетъ быть понято и объяснено изъ простаго<sup>1</sup>. Въ этомъ случаѣ Декартъ, какъ физикъ и натуралистъ, удовлетворяется относительнымъ понятіемъ причины; абсолютными и универсальными началами съ этой точки зрѣнія Декартъ признаетъ въ мірѣ, нами изучаеомъ, матерію и движеніе. Такимъ образомъ, геометрія, которая изучаетъ матерію, какъ протяженіе, и механика, изучающая ее въ движеніи, достаточно могутъ обогатить насъ универсальными положеніями, дабы, отправляясь отъ нихъ въ своихъ дедуктивныхъ заключеніяхъ, мы могли объяснить явленія чувственнаго міра. Сюда относятся не только явленія неорганическаго міра, но и органическаго.

Въ этомъ случаѣ въ исторіи едва-ли найдется другой, кромѣ Декарта, философъ-спиритуалистъ, который бы такъ далеко распространялъ при объясненіи явленій принципы механики. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ что говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій: «Вотъ функціи, которыя я отношу къ этой машинѣ (тѣлу): пищевареніе, сердцебіеніе, питаніе и ростъ членовъ, дыханіе, пробужденіе и сонъ, воспріятіе свѣта, звука, запаха, тепла и другихъ качествъ чрезъ органы внѣшнихъ чувствъ, впечатлѣніе ихъ идей въ органѣ общаго чувства и воображенія, воспоминаніе и удержаніе этихъ идей въ памяти, внутреннія движенія аппетита и страстей, наконецъ, внѣшнія движенія всѣхъ членовъ.... Я желаю, чтобы вы рассуждали такъ, что эти функціи совершенно естественно происходятъ въ этой машинѣ въ силу расположенія ея органовъ; онѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ движенія часовъ или другого автомата съ противовѣсомъ и колесами; вообще не слѣдуетъ въ данномъ случаѣ признавать въ тѣлесной машинѣ никакой другой души — растительной или животной, никакого другаго начала движенія и жизни, кромѣ крови и духовъ (spiritus), дѣйствующихъ чрезъ теп-

<sup>1</sup> Oeuvres de Descartes, par V. Cousin. Tom. XI, стр. 227 и слѣд. Règles pour la direction de l'esprit.



лоту огня, который постоянно горитъ въ нашемъ сердцѣ<sup>1</sup>. Известно также, что Декартъ считалъ животныхъ машинами, и все, что мы имѣемъ общаго съ животными, происходитъ по механическимъ законамъ въ-силу сочетанія и дѣйствія матеріи. «Всѣ движенія, говоритъ онъ, которыя у насъ бываютъ, когда наша воля ничего не приноситъ къ нимъ отъ себя (напр. дыханіе, прогулка и наконецъ всѣ дѣйствія, которыя у насъ общи съ животными), зависятъ исключительно отъ устройства нашихъ членовъ и отъ движенія, которое естественно совершается въ мозгу, нервахъ и мускулахъ дѣхами, возбужденными теплотою сердца, подобно тому, какъ движеніе автомата производится при помощи одной рукоятки и благодаря устройству его колесъ<sup>2</sup>. Въ самомъ дѣлѣ, иного рода объясненіе нельзя дать, напр., слѣдующему факту: если кто-нибудь неожиданно протянетъ руку по направленію къ нашимъ глазамъ, какъ-бы намѣреваясь ударить насъ, то хотя мы знаемъ, что онъ нашъ другъ и дѣлаетъ это только для шутки и не причинитъ намъ никакого вреда, тѣмъ не менѣе мы едва-ли можемъ удержаться отъ того, чтобы не закрыть глазъ». «Это показываетъ, говоритъ Декартъ, что закрывать ихъ (глаза) не дѣло нашей души, если это происходитъ противъ нашей воли, къ которой одной можетъ относиться дѣйствіе такого рода, но что машина нашего тѣла такъ устроена, что движеніе руки по направленію къ нашимъ глазамъ возбуждаетъ другое движеніе въ нашемъ мозгу, которое вводятъ животные дѣхи въ мускулы, дѣлающіе напоръ на вѣки<sup>3</sup>.

Необходимо объяснить читателю, что разумѣетъ Декартъ подъ «животными дѣхами». Это объясненіе даетъ онъ намъ въ сво-

<sup>1</sup> Oeuvres de Descartes, par V. Cousin. Tom. IV, стр. 427. Traité de l'homme.

<sup>2</sup> Oeuvres de Descartes, par Jul. Simon, стр. 531. De passionibus. § 16.

<sup>3</sup> Oeuvr. de Descartes, par. Simon, стр. 530. De passionibus. § 13.



емъ трактатъ «О страстяхъ». Онъ говоритъ: «то, что я называю духами, есть не что иное, какъ тѣла», именно: животныя духи состояются изъ чрезвычайно тонкихъ частичекъ крови; они не имѣютъ другихъ свойствъ, исключая того, что они тѣла чрезвычайно малыя и движутся чрезвычайно быстро подобно огню свѣчки, такъ-что они не остаются въ одномъ мѣстѣ, а по-мѣрѣ того, какъ одни изъ нихъ выходятъ въ скважины мозга, другіе выходятъ чрезъ поры, которыя существуютъ въ его субстанціи; чрезъ эти поры они проникаютъ въ нервы, а отсюда въ мускулы, при помощи которыхъ они движутъ тѣла въ различныхъ направленіяхъ, въ какихъ возможно движеніе ихъ». Гипотеза «животныхъ духовъ» предложена Декартомъ для объясненія дѣйствій мозга и нервовъ, которыя непосредственно связаны съ происхожденіемъ ощущеній, идей и мускульныхъ движеній. Эта гипотеза держалась довольно долго. Ее мы встрѣчаемъ у Гоббса, Локка и другихъ. Она состоитъ въ слѣдующемъ. Нервы, идущіе отъ оконечностей къ мозгу, суть трубки, которыя служатъ проводниками тонкой жидкости, называемой «животными духами». Когда произведено на нервъ впечатлѣніе, то животныя духи, отступая назадъ, сообщаютъ мозгу движеніе; результатомъ этого движенія является слѣдъ, соответствующій внѣшнему предмету; оно-то и вызываетъ ощущеніе, которое продолжается до-тѣхъ-поръ, пока предметъ продолжаетъ дѣйствовать на органъ ощущенія. Этотъ слѣдъ остается и послѣ того, какъ «духи» возвратятся въ первоначальное состояніе, чѣмъ и объясняется сохраненіе идеи предмета въ отсутствіи самаго предмета. Душа, находящаяся, по Декарту, въ pineal gland, владѣетъ, какъ предполагается, силою направлять «животныя духи» по своему желанію въ каждый изъ этихъ слѣдовъ и такимъ образомъ снова вызывать идею или образовавшееся ощущеніе предмета; но это воспроизведенное ощущеніе, естественно, бываетъ уже менѣе живо, чѣмъ ощущеніе ори-



гинальное. Ассоціація об'яснялась Декартомъ при помощи часто повторяющагося перехода духовъ отъ одного слѣда къ другому; вслѣдствіе чего образуются въ мозгу пути, по которымъ, какъ по проложенной дорогѣ, съ легкостію движутся эти духи. Наконецъ, чтобы произвести мускульное движеніе, «животные духи» входятъ, по желанію души, въ мускулы чрезъ двигательные нервы, и, расширяя ихъ, сокращають ихъ длину и такимъ образомъ производять желаемое движеніе<sup>1</sup>.

Что же остается на долю самостоятельнаго и независимаго духа, по ученію Декарта? Кромѣ свободной воли, на которую указано выше, интеллектъ или разумъ. Самонаблюденіе и рефлексія раскрываютъ намъ цѣлый рядъ идей въ нашемъ духѣ, которыя отличны отъ образовъ воображенія и не могутъ быть воплощены въ эти образы. Мы, говоритъ Декартъ, можемъ вообразить треугольникъ, но вообразить фигуру тысячеугольника мы не можемъ; мы не имѣемъ образа, при помощи котораго могли бы отличить подобный многоугольникъ отъ другого, который будетъ или больше или меньше его. Не имѣя образа указанного многоугольника, мы тѣмъ не менѣе имѣемъ идею его; мы сознаемъ, что онъ существуетъ и можемъ дѣлать заключенія относительно его свойствъ» и т. д. Сюда относится идея Бога, ангела, идея хотѣнія, страха и т. д. Эти идеи непосредственно присущи нашему духу. Впрочемъ, механизмъ воображенія и дѣятельность мысли должны помогать другъ-другу: мысль можетъ сгруппировать образы въ одной концепціи; въ свою очередь, механизмъ воображенія сообщитъ до извѣстной степени дѣятельности мысли; по-крайней-мѣрѣ это можно наблюдать въ дѣятельности памяти, дѣйствующей подъ вліяніемъ мышленія. «Легко обнять, говоритъ Декартъ, въ воображеніи все то, что раскрыто чрезъ приведеніе къ причинамъ (per reductio-nem ad causas), а когда всѣ причины будутъ приведены къ од-

<sup>1</sup> De passionibus. § 10, 11, 12, 13, 14, 15 и 16.



ной, то очевидно, что мнѣ нѣтъ нужды памятью удерживать всѣ знанія, ибо тотъ, кто умомъ дошелъ до причинъ, чрезъ одно впечатлѣніе на мозгу причины можетъ снова легко восстановить всѣ поглотившіеся образы; это есть истинное искусство памяти.... Истинный методъ (усовершенствованія памяти) состоитъ въ томъ, чтобы составить образы, которые стояли бы въ постоянной зависимости другъ отъ друга.

Говбсъ. Пока не объяснено еще надлежащимъ образомъ, въ какомъ отношеніи находятся два философа XVII в.—Декартъ и Говбсъ и насколько каждый изъ нихъ знакомъ былъ съ философскими идеями и научными изслѣдованіями другаго. Извѣстно, что Декартъ началъ печатать сочиненія раньше Говбса; извѣстно также, что Говбсъ возражалъ Декарту противъ его ученія объ идеяхъ и Декартъ отвѣчалъ на его возраженіе. Въ другомъ сочиненіи<sup>2</sup> мы указывали на сходство метода и нѣкоторыхъ философскихъ и научныхъ идей того и другаго философа. На это сходство намъ приходится указывать и здѣсь. Тѣмъ не менѣе было бы смѣло и, съ нашей точки зрѣнія, несправедливо объяснять это сходство заимствованіемъ; вѣрнѣе, кажется, принять для объясненія то, что Декартъ и Говбсъ пользовались однимъ источникомъ, изъ котораго черпали и на основаніи котораго вырабатывали и свой методъ и свои идеи философскія и научныя. Это — указанныя нами науки: математика и механика. Подъ вліяніемъ новыхъ философскихъ и научныхъ идей, развившихся прежде всего въ Италіи, находились не только Декартъ и Говбсъ, но и цѣлый рядъ другихъ мыслителей и ученыхъ того времени. Тѣ-же сочиненія, которыя изучилъ Декартъ, были предметомъ изученія Говбса. Это сочиненія Віета, Кеплера, Гарвея, Галилея, Джиљберта и другихъ. Говбсъ въ посвященіи одного

<sup>1</sup> Oeuvr. inéd., de Descart. par F. Careil. стр. 32. Cogitationes privatae.

<sup>2</sup> О методахъ изслѣдованія и доказательства. Харьковъ. 1877.



изъ своихъ сочиненій — «*Elementa philosophiæ*» перечисляетъ тѣхъ, кому онъ обязанъ своими идеями, изложенными въ немъ; онъ указываетъ на астрономовъ Пифагора, Аристарха и Филолая изъ древнихъ, и Николая Коперника изъ новыхъ, на знаменитаго Галилея (*qui primus aperuit nobis physicae universae portam primam, naturam motus*), на столь-же замѣчательнаго Гэрвея (*qui scientiam humani corporis physicae partem utilissimam, in libris suis de motu sanguinis et de generatione animalium, mirabili sagacitate detexit et demonstravit*), на Кеплера, Гассанди, Мерсеня и друг.<sup>1</sup>

Замѣчательное психологическое ученіе Гоббса, равно какъ и Декарта, есть ученіе о перцепціи. Это ученіе состоитъ въ томъ, что свѣтъ, звукъ, запахъ, теплота и другія качества, воспринимаемыя нами чрезъ внѣшнія чувства, не суть качества существія предметовъ, отъ которыхъ они, по-видимому, получаются нами. Вотъ что пишетъ Гоббсъ въ своемъ сочиненіи — «О человѣческой природѣ»: Такъ-какъ образъ зрѣнія, состоящій въ цвѣтѣ и формѣ, составляетъ знаніе, которое мы имѣемъ о качествахъ предмета, воспринимаемыхъ чрезъ это чувство, то человѣку не трудно придти къ такому мнѣнію, что цвѣтъ и форма составляютъ качества его (предмета), и на томъ-же основаніи думать, что звукъ и шумъ составляютъ качества сотрясеннаго колокола или воздуха. Это мнѣніе такъ долго принималось, что противное ему должно было казаться великимъ парадоксомъ; но принятіе видимыхъ и умственныхъ образовъ, выходящихъ отъ предметовъ и входящихъ въ насъ (принятіе необходимое для поддержанія этого мнѣнія) хуже всякаго парадокса, ибо это — явная невозможность. Поэтому я предположилъ себѣ доказать слѣдующія положенія: 1) что предметъ, съ которымъ соединены цвѣтъ и форма, не есть предметъ или видимая вещь; 2) что внѣ насъ нѣтъ ни-

<sup>1</sup> Opera philosophica. Epistola dedicatoria посвящена передъ *Elementa philosophiæ*.



чего такого, что мы называемъ формою или цвѣтомъ; 3) что такъ-называемые цвѣтъ и форма суть только прибавленіе въ насъ отъ того движенія, дѣйствія или измѣненія, которое предметъ производитъ въ мозгу или духахъ или въ какой-либо внутренней головной субстанціи; 4) что какъ въ зрѣніи, такъ и въ воспріятіяхъ, происходящихъ отъ другихъ чувствъ, предметъ, съ которымъ они соединены, не есть объектъ, а субъектъ ощущающій<sup>1</sup>. Къ этому ученію приводятъ Гоббса наблюденіе и опытъ, съ одной стороны, и дедукція — съ другой. «Если-бы, говоритъ онъ, цвѣта и звуки были въ самыхъ предметахъ, то они не могли бы быть отдѣлены отъ нихъ; однако они отдѣляются, какъ это обнаруживается въ отраженіи видимыхъ предметовъ въ зеркалахъ и звуковъ въ гористыхъ мѣстностяхъ»<sup>2</sup>. Нажимъ и ударъ производятъ свѣтовое ощущеніе въ глазѣ, ударъ въ ухо — звукъ, говоритъ онъ тамъ-же<sup>3</sup>. «Всѣ познаваемые нами качества предметовъ суть только различныя движенія матеріи, которыя различно дѣйствуютъ на наши органы<sup>4</sup>, — умозаключаетъ онъ съ помощію дедукціи. Декартъ умозаключаетъ такимъ-же образомъ и приводитъ тѣ-же доказательства въ подтвержденіе истины указанного ученія». Мы не замѣтимъ, говоритъ онъ, никакой разницы въ первахъ, чтобы думать, что одни изъ нихъ могутъ переносить въ мозгъ нѣчто отличное отъ того, что — другіе, такъ чтобы они производили въ душѣ иныя чувства или приносили другое нѣчто, кромѣ различныхъ способовъ движенія. Опытъ всеяма ясно указываетъ намъ, что одни и тѣ-же движенія возбуждаютъ въ насъ ощущенія щекотанія и жара, а также и ощущенія звука и свѣта. Ибо если мы испытаемъ какой-нибудь сильный ударъ въ глазъ, такъ-что оптический нервъ приведенъ будетъ въ движеніе, то увидимъ тысячу огненныхъ искръ, которыхъ нѣтъ на этотъ разъ внѣ нашего глаза; равнымъ образомъ,

<sup>1</sup> De natura humana, cap. 2.

<sup>2</sup> Leviathan. De homine, cap. 1. <sup>3</sup> Ibid. <sup>4</sup> Ibid.



если мы сдѣлаемъ нѣсколько движеній пальцемъ надъ ухомъ, то услышимъ шумъ, причина котораго должна быть отнесена къ дѣйствію воздуха<sup>1</sup>.

Если читателю извѣстно дальнѣйшее развитіе философіи въ связи съ указаннымъ ученіемъ Гоббса о перцепціи, то для него понятны важность и значеніе его. Но за кѣмъ признать первенство въ этомъ замѣчательномъ психологическомъ ученіи — за Декартомъ или Гоббсомъ? Утверждаютъ, что это ученіе не вошло въ первое сочиненіе Декарта — «О методѣ»; оно является въ послѣдующемъ его сочиненіи: «Meditations», напечатанномъ въ 1641 г. У Гоббса оно встрѣчается въ первый разъ въ сочиненіи — «О человѣческой природѣ», напечатанномъ въ 1650 г. Казалось бы, что не можетъ быть спора относительно того, кому принадлежить первенство въ этомъ ученіи — Декарту или Гоббсу; но, говоритъ Галламъ, «если не было сдѣлано никакой перемѣны въ манускриптѣ послѣ посвященія его графу Ньюкастлю въ 1640 году, то слѣдуетъ признать, что онъ (Гоббсъ) имѣетъ первенство передъ Декартомъ въ одномъ изъ наиболѣе знаменитыхъ ученій<sup>2</sup>».

Есть и разница въ ученіи Гоббса и Декарта о перцепціи и эта разница немаловажная. Гоббсъ признаетъ субъективными концепціи, получаемыя отъ всѣхъ безъ исключенія внѣшнихъ чувствъ; Декартъ признаетъ таковыми только получаемыя отъ нѣкоторыхъ чувствъ; онъ строго различаетъ, съ одной стороны, фигуру, величину и движеніе, и съ другой — свѣтъ и цвѣта, запахи, вкусы, звуки, тепло и холодъ; только послѣднія качества не существуютъ внѣ нашей мысли, только онѣ субъективны. Такое разграниченіе качествъ сдѣлано Декартомъ не на основаніи наблюденія и опыта; оно выведено дедуктивно и не чуждо примѣси метафизическаго ученія его о разумѣ съ его ясными и раздѣльными идеями.

<sup>1</sup> Oeuvres de Descartes, par Cousin. Tom. III, стр. 510. Principes.

<sup>2</sup> Hallam, Histoire de la littérature de l'Europe. Tom. III, стр. 198, Séction IV.



Ощущеніе. «Нѣтъ, говоритъ Гоббсъ, въ духѣ человѣка концепціи, которая не произошла бы первоначально изъ какого-либо чувства всецѣло или по частямъ»<sup>1</sup>. Такъ-какъ у насъ нѣтъ постоянно пребывающихъ образовъ, напротивъ, новые нараждаются, а старые исчезаютъ вслѣдствіе того, что чувственные органы обращаются то къ одному предмету, то къ другому, то отсюда понятно, что въ чувствующемъ тѣлѣ происходитъ постоянное измѣненіе. Извѣстно, что всякое измѣненіе есть нѣкотораго рода движеніе или *conatus* (*conatus* есть также движеніе, добавляетъ Гоббсъ) во внутреннихъ частяхъ измѣняемаго. Итакъ, ощущеніе (*sensio*) въ ощущающемъ не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, кромѣ движенія нѣкоторыхъ частей, находящихся въ самомъ ощущающемъ; эти движимыя части суть части органовъ, при помощи которыхъ мы ощущаемъ. Ибо части тѣла, при помощи которыхъ мы ощущаемъ, составляютъ то, что мы обыкновенно называемъ чувственными органами. Итакъ, мы имѣемъ субъектъ ощущенія, т. е. то, въ чемъ заключаются образы, и отчасти природу его, состоящую въ нѣкоторомъ внутреннемъ движеніи, происходящемъ въ ощущающемъ. Извѣстно также, что движеніе можетъ происходить изъ движенія же или отъ толчка. Изъ этого понятно, что непосредственная причина ощущенія есть то, что соприкасается съ органомъ ощущенія и производитъ на него напоръ. Ибо если внѣшняя часть испытываетъ напоръ, то и сама, подаваясь назадъ, производитъ напоръ на ту часть, которая ближе къ ней находится; такимъ образомъ напоръ или движеніе распространяется на всѣ части органа до самой послѣдней. Равнымъ образомъ, напоръ, дѣлаемый на внѣшнюю часть органа, происходитъ въ свою очередь отъ напора отдаленнаго тѣла и такъ далѣе — до того, отъ котораго, какъ перваго источника, происходитъ самый образъ въ ощущеніи. Это обыкновенно называется объектомъ. Извѣстно также и то, что вся-

<sup>1</sup> Leviathan, cap. I. De sensu.



кая остановка происходитъ отъ движенія, идущаго съ противоположной стороны, т. е. отъ реакціи. Такимъ-же образомъ и со стороны органа вслѣдствіе его внутренняго естественнаго движенія происходитъ реакція или задержка движенію, идущему отъ предмета чрезъ среду къ ближайшимъ частямъ органа; кромѣ того, движеніе со стороны органа противоположно движенію отъ предмета, такъ-что, когда это движеніе внутрь бываетъ послѣднимъ актомъ изъ тѣхъ, которые происходятъ въ чувствѣ, то наконецъ изъ этой реакціи, продолжающейся нѣкоторое время, выступаетъ самый образъ (*phantasma*), который по причинѣ движенія, направленнаго во внѣ, всегда кажется (*φαίνεται*) расположенныхъ внѣ органа<sup>1</sup>. Послѣ всѣхъ вышеуказанныхъ объясненій Гоббсъ предлагаетъ слѣдующее опредѣленіе ощущенія: «Ощущеніе есть образъ (*phantasma*), происшедшій отъ движенія чувственнаго органа во внѣ, которое вызывается движеніемъ предмета во внутрь и чрезъ реакцію», когда это продолжается нѣкоторое время (*sensio est ab organi sensorii conatus ad extra, qui generatur a conatu ab objecto versus interna, eoque aliquamdiu manente per reactionem factum phantasma*<sup>2</sup>).

Но пока объяснена одна лишь физическая сторона ощущенія. Дѣло въ томъ, что одной вышеуказанной реакціи недостаточно, чтобы послѣдовало ощущеніе, какъ таковое (*quidquid reagit, sentiat necessarium non est*), иначе пришлось бы допустить, что всѣ тѣла одарены ощущеніемъ, потому что всѣ они способны къ реакціи<sup>3</sup>. «Подъ ощущеніемъ мы разумѣемъ, говоритъ Гоббсъ, просто нѣкотораго рода сужденіе о предметахъ при помощи образовъ, т. е. сравненіе и различеніе»<sup>4</sup>. «Ощущенію, о которомъ здѣсь говорится и которое такъ-называется на популярномъ языкѣ, присуща нѣкотораго рода память, при помощи

<sup>1</sup> *Elementa philosophiae, cap. XXV. Physica.*

<sup>2</sup> *Ibid.* <sup>3</sup> *Ibid.* <sup>4</sup> *Ibid.* § 5.



568422

которой возможно сравненіе и различеніе<sup>1</sup>. Представимъ себѣ человѣка, который обладалъ бы отличнымъ зрѣніемъ и въ то-же время не имѣлъ бы никакого другаго чувства. Представимъ, что этому человѣку суждено ощущать только одинъ цвѣтъ безъ измѣненія. Это положеніе равносильно тому, какъ если-бы онъ ничего не ощущалъ; здѣсь нѣтъ ощущенія въ собственномъ смыслѣ (*sentire semper idem et non sentire ad idem recidunt*)<sup>2</sup>.

Воображеніе и память. «Тѣло, разъ приведенное въ движеніе, движется вѣчно, если что-нибудь не воспрепятствуетъ ему. Это препятствіе не можетъ совершенно уничтожить его въ одну секунду; оно прекращаетъ его мало-по-малу, постепенно; такъ, волны долго еще ходятъ по водѣ послѣ того, какъ вѣтеръ стихнетъ; то-же самое бываетъ и съ движеніемъ, происходящимъ внутри человѣка, когда онъ видитъ что-нибудь на-яву или во снѣ<sup>3</sup>. По устраненіи предмета или закрытіи глаза мы удерживаемъ образъ видимой вещи, хотя этотъ образъ рисуется передъ глазами не такъ ясно, какъ прежде. Это — образъ, ради котораго способность называется воображеніемъ. Память по существу не отличается отъ воображенія. «Изглаживающееся ощущеніе мы называемъ воображеніемъ, когда хотимъ указать на самый предметъ, т. е. на самый образъ; когда же хотимъ выразить процессъ изглаживанія, сказать, что ощущеніе блекнетъ, что оно устарѣло, прошло, то называемъ это памятью; поэтому, воображеніе и память — одно и то-же; но это одно, разсматриваемое съ разныхъ сторонъ, обозначается различными названіями<sup>4</sup>.

Послѣдовательность образовъ воображенія (размышленіе). «Всѣ представленія предметовъ суть движенія внутри насъ, отголоски движеній, происшедшихъ въ чувствахъ. Эти дви-

<sup>1</sup> Elementa philosophiae. Cap. XXV. §. 2. Physica.

<sup>2</sup> Ibid.

<sup>3</sup> Leviathan, cap. 2. De imaginatione.

<sup>4</sup> Ibid.



женія слѣдуютъ другъ за другомъ такъ-же непосредственно и въ томъ-же порядкѣ, какъ происходили въ чувствахъ. Какъ только въ умѣ начинается движеніе, то вслѣдъ за нимъ по связи движимой матеріи совершается другое движеніе, подобно тому, какъ вода на гладкомъ столѣ вся течетъ туда, куда палецъ направляетъ часть ея»<sup>1</sup>. «Теченіе мыслей или размышленіе бываетъ двоякаго рода: одно не имѣетъ руководителя, безцѣльно, непостоянно. Но и въ этомъ безсвязномъ теченіи мыслей нерѣдко мы можемъ замѣтить нѣкоторый методъ и способъ, по которому рождаются мысли одна изъ другой. Кто не счелъ бы въ высшей степени нелѣпымъ вопросъ, сдѣланный мнѣ однимъ господиномъ во время нашей междоусобной войны: что стоитъ римскій сребренникъ? Однако я тотчасъ увидѣлъ всю ту цѣпь мыслей, которая должна была привести его къ этому вопросу. Мысль о войнѣ возбудила мысль о выдачѣ короля врагамъ его; мысль объ этой выдачѣ навела на мысль о преданіи Христа; отсюда мысль о тридцати сребренникахъ; а изъ мысли о цѣнѣ измѣны вытекъ и странный вопросъ, и все это — въ одну минуту»<sup>2</sup>. «Причина связи перцепцій, говорить Гоббсъ въ другомъ мѣстѣ, есть ихъ первоначальная связь въ тотъ моментъ, когда онѣ въ первый разъ воспроизведены были въ чувствахъ; напр. духъ св. Андрея ведетъ къ св. Петру, потому что имена ихъ произведены вмѣстѣ; отсюда — къ камню тѣмъ-же способомъ; отъ камня къ основанію, потому что мы видимъ ихъ вмѣстѣ; потомъ такимъ образомъ къ основанію церкви; отъ церкви — къ народу; отъ народа къ возмущенію»<sup>3</sup>.

Теченіе мыслей правильное — также двоякаго рода: а) когда мы отыскиваемъ причину какого-либо взятаго дѣйствія, и б) когда мы, представивши какую-нибудь вещь, изслѣдуемъ все-

<sup>1</sup> Ibid. cap. 3. De consequentia sive serie imaginationum.

<sup>2</sup> Leviathan. Cap. 3.

<sup>3</sup> De natura humana. Cap. 4, § 2.



возможны дѣйствія, которыя отсюда могутъ происходить. Понятно, что въ одномъ случаѣ идетъ рѣчь объ изслѣдованіи, въ другомъ — объ изобрѣтеніи<sup>1</sup>.

Опытъ и умозаключеніе. Память многихъ вещей, нами воспринятыхъ и испытанныхъ, называется опытом<sup>2</sup>. На основаніи его мы дѣлаемъ заключенія къ будущему. Впрочемъ, никто не можетъ имѣть концепціи будущаго, такъ-какъ будущаго нѣтъ еще; но наши концепціи прошедшаго мы дѣлаемъ будущимъ, или большая часть изъ насъ называетъ прошедшее будущимъ относительно<sup>3</sup>. «Въ природѣ существуетъ только настоящее; прошедшее существуетъ только въ памяти; будущее же совсѣмъ не существуетъ; оно есть только фикція духа»<sup>4</sup>. «Когда мы наблюдаемъ предъидущее и послѣдующее часто ассоціированными, то принимаемъ одно за знакъ другаго; такъ, напр., туча предвѣщаетъ дождь и дождь есть знакъ того, что есть туча; но знаки поражаютъ лишь догадку, и увѣренность, которую они сообщаютъ, не бываетъ полная и очевидная. Ибо отъ того, что человекъ всегда видѣлъ, что день и ночь регулярно слѣдуютъ другъ-за-другомъ, онъ не можетъ еще заключать, что они всегда будутъ слѣдовать другъ-за-другомъ, или что они отъ вѣчности слѣдовали. Опытъ ничего не доказываетъ универсально. Но тѣ, которые имѣютъ больше опыта, лучше догадываются, потому что они имѣютъ больше знаковъ, на которыхъ они могутъ основывать свои догадки»<sup>5</sup>.

Рѣчь и разумъ (интеллектъ). Нельзя дать полнаго представленія объ умозаключеніяхъ, не сказавши напередъ о названіяхъ и языкѣ.

«Хотя изобрѣтеніе книгопечатанія гениально, говоритъ Гоббсъ, но если сопоставить его съ изобрѣтеніемъ буквъ, то оно ока-

<sup>1</sup> Leviathan. Cap. 3.

<sup>2</sup> De natura humana. Cap. 4. § 2. <sup>3</sup> Ibid. cap. 4. § 7.

<sup>4</sup> Leviathan. Cap. 3.

<sup>5</sup> De natura humana.



жется не столь необыкновеннымъ.... Но наиболѣе знаменито е и наиболѣе полезное изъ всѣхъ изобрѣтеній есть изобрѣтеніе разговорной рѣчи, которая составляется изъ именъ или названій и ихъ связи; это изобрѣтеніе даетъ человѣку возможность запечатлѣть знаками свои мысли, вызывать ихъ, когда онѣ забылись, и сообщать ихъ другимъ»<sup>1</sup>. Съ рѣчью соединяется развитіе воспоминанія и разума (интеллекта). «Воспоминаніе будится двумя способами: или дѣйствіемъ предметовъ на чувства или рѣчью, живымъ словомъ. Это дѣйствіе возбуждаетъ въ насъ движеніе, которое вызываетъ въ насъ воспоминаніе предметовъ въ порядкѣ, указанномъ нами выше». Когда познаніе какого нибудь предмета является въ слѣдствіе рѣчи, доходящей до слуха и какъ слѣдуетъ расположенной, то тотъ, кто слышитъ, понимаетъ (*intelligere*), какъ говорятъ, эти слова<sup>2</sup>; поэтому интеллектъ есть не иное что, какъ пониманіе, вызванное рѣчью. Итакъ, если рѣчь свойственна только человѣку (а это кажется такъ), то одному только человѣку принадлежитъ и интеллектъ<sup>3</sup>. Человѣкъ имѣетъ исключительную привилегію составлять общія теоремы и создавать цѣлые ряды умозаключеній при помощи тѣхъ же названій.

Предѣлы знанія. Хотя сила и власть человѣка растутъ и увеличивается съ развитіемъ наукъ, которыя онъ создаетъ, пользуясь богатствомъ своей природы, но эта сила и власть имѣютъ свои предѣлы. «Все, что мы представляемъ въ умѣ, конечно; поэтому, нѣтъ у насъ идеи или концепта о томъ, что называютъ безконечнымъ. Человѣческій духъ не можетъ вообразить себѣ безконечной величины (*imaginem infinitae magnitudinis capere non potest*), равно какъ не можетъ воспринять безконечной скорости, безконечной жизни, безконечнаго времени и безконечной силы. Когда мы говоримъ, что что-нибудь без-

<sup>1</sup> Leviathan. Cap. 4. <sup>2</sup> Ibid. <sup>3</sup> Ibid.



конечно, то этимъ мы хотимъ только сказать, что мы не можемъ воспринять конца или границъ этого; слѣдовательно, не выражаемъ ничего другаго, кромѣ нашей собственной ограниченности. Употребляется имя Бога не для того, чтобы можно было воспринять его (ибо оно необъятно; величіе и могущество не могутъ быть восприняты), но для того, чтобы мы чтили его. Такъ-какъ все, что мы перцепируемъ, раньше было воспринято (какъ я сказалъ выше) въ чувствѣ, то человѣкъ не можетъ вообразить себѣ, чего не было воспринято чувствами. И такъ, ничего нельзя воспринять иначе, какъ въ извѣстномъ мѣстѣ, имѣющемъ извѣстную опредѣленную величину и дѣлимый на части; ни что не можетъ находиться въ одно и то-же время въ различныхъ мѣстахъ всецѣло; равнымъ образомъ двѣ или болѣе вещи не могутъ въ одно и то-же время занимать одно и то-же мѣсто. Ибо ничего такого не было и не могло быть въ чувствѣ»<sup>1</sup>.

Страсти и воля. «Существуетъ, говоритъ Гоббсъ, и другой видъ ощущенія (*aliud sensionis genus*), именно: ощущение удовольствія и страданія. Этого рода ощущение происходитъ не отъ реакціи сердца противъ движенія, идущаго непосредственно отъ него, а отъ вѣнечной части органа вслѣдствіе постоянного дѣйствія отсюда на сердце. Ибо, если принципъ жизни находится въ сердцѣ, то нужно, чтобы движеніе, идущее отъ ощущающаго къ сердцу, измѣняло нѣкоторымъ образомъ и разъединяло витальное (*vitalis*) движеніе, облегчая его или затрудняя, помогая ему или препятствуя. Если оно помогаетъ ему, то происходитъ удовольствіе, если препятствуетъ, то происходитъ страданіе, угнетеніе, боль»<sup>2</sup>.

Въ животныхъ существуетъ два вида движеній, свойственныхъ ихъ природѣ: первый — витальный (*vitalis*), начинающийся съ самаго зарожденія и продолжающійся безъ перерыва

<sup>1</sup> Leviathan. Cap. 3, въ концѣ.

<sup>2</sup> Elementa philosophiae. Pars IV, cap. XXV, § 12. Physica.



всю жизнь; сюда относятся: кровообращеніе, біеніе пульса, дыханіе, пищевареніе, питаніе и выдѣленіе; эти движенія не нуждаются въ помощи воображенія; второй видъ — животный и произвольный; сюда относятся: хожденіе, рѣчь и движеніе членовъ; какъ движенія произвольныя, они всегда зависятъ отъ предварительнаго представленія»<sup>1</sup>.

Скажемъ о витальномъ движеніи. Оно состоитъ въ числѣ прочихъ въ движеніи крови, непрерывно циркулирующей въ артеріяхъ и венахъ (какъ открыто это нашимъ соотечественникомъ Гэрвеемъ). Если это движеніе встрѣчаетъ препятствіе со стороны дѣйствія ощущаемыхъ предметовъ, то оно снова возстаетъ чрезъ измѣненіе и направленіе частей тѣла дѣйствіемъ духовъ (*spiritibus*) на тѣ или другіе нервы, пока не устранится, на-сколько возможно, всякое угнетеніе. Если же витальное движеніе облегчается чрезъ ощущеніе, то части органа располагаются по отношенію къ направляющимъ духамъ такъ, что движеніе съ помощію нервовъ поддерживается и усиливается. Здѣсь-же находится начало и животнаго движенія. Последнее встрѣчается еще въ зародышѣ, который въ утробѣ матери произвольно приводитъ въ движеніе свои члены, устраняя угнетеніе, если оно бываетъ, и стремясь къ удобству. Это первое движеніе (*conatus*) къ удобству называется аппетитомъ (*appetitus*), на-сколько оно направляется къ удобству сознательно послѣ опыта, и отвращеніемъ или стремленіемъ къ избѣжанію угнетенія (при томъ-же условіи). Въ первоначальномъ движеніи (*conatus*) принимаютъ участіе животные духи, толкая нервы или удерживая ихъ; въ этомъ-же движеніи необходимо участвуютъ и мускулы, напрягаясь или ослабляясь; наконецъ, участвуютъ члены, выдвигаясь впередъ или сжимаясь; это уже животное движеніе<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Leviathan. De homine, cap. VI.

<sup>2</sup> Elementa philosophiae. Physika. Cap. XXV, § 12.



Желаніе и отвращеніе отличаются отъ удовольствія и страданія развѣ только тѣмъ, чѣмъ отличаются другъ отъ друга желаніе и пользованіе, т. е. какъ будущее и настоящее. Ибо желаніе есть удовольствіе, отвращеніе — страданіе, только одно происходитъ изъ пріятнаго, а другое изъ тяжелаго не настоящаго, а предусматриваемаго въ будущемъ и ожидаемаго. Итакъ, причины какъ ощущенія, такъ и желанія и отвращенія, удовольствія и страданія суть тѣ-же самые ощущаемые предметы. Изъ этого можно понять, что ни желаніе, ни отвращеніе наши не суть причины того, почему мы стремимся къ тому или другому или избѣгаемъ того или другаго, т. е. мы не потому стремимся, что хотимъ, ибо хотѣніе есть тоже стремленіе, и избѣгаемъ не потому, что хотимъ, а потому, что какъ желаніе, такъ и отвращеніе порождаются въ насъ отъ предметовъ желаемыхъ и тѣхъ, къ которымъ мы питаемъ отвращеніе; тутъ необходимымъ спутникомъ является предварительное представленіе удовольствія или страданія, которыя послѣдуютъ въ будущемъ отъ этихъ самыхъ предметовъ. Ощущеніе по природѣ (*secundum naturæ methodum*) старше, чѣмъ желаніе. Можно ли знать относительно того, что мы видимъ, что оно будетъ пріятно, инымъ образомъ, кромѣ опыта, т. е. ощущенія?<sup>1</sup>

Еще одно замѣчаніе относительно удовольствій. Нѣкоторыя удовольствія происходятъ отъ ощущенія присутствующаго предмета; они могутъ быть названы чувственными удовольствіями; другія же происходятъ вслѣдствіе ожиданія, т. е. отъ предусматриванія цѣлей и слѣдствій отъ предметовъ; это — удовольствія души.<sup>2</sup>

Если въ человѣческой душѣ попеременно возникаютъ относительно одного и того-же предмета желаніе и отвращеніе, страхъ и надежда и послѣдовательно являются въ ней то желаніе сдѣ-

<sup>1</sup> *Elementa philosophiæ. De homine, cap. XI. §§ 1—2.*

<sup>2</sup> *Leviathan. De homine, cap. 6.*



лать, то не дѣлать, равно приходятъ на-умъ хорошія и дурныя послѣдствія, вслѣдствіе чего мы то порываемся сдѣлать, то сдерживаемся, то надѣмся, то боимся, тогда вся эта совокупность страстей, пока состояніе продолжается и мы не приступили къ дѣйствію или не оставили намѣренія сдѣлать, называется обдумываніемъ или раздумьемъ (*deliberatio*). Относительно прошедшаго такого раздумья не существуетъ, потому что прошедшее остается неизмѣннымъ; не бываетъ его и въ томъ случаѣ, когда мы знаемъ или думаемъ, что что-либо невозможно. Поэтому, раздумьемъ называется граница свободы, которую мы имѣемъ дѣлать или не дѣлать что-либо. Это раздумье свойственно и животнымъ, если въ нихъ совершается такой-же переходъ отъ желанія къ отвращенію, и на-оборотъ. Въ раздумьѣ послѣднее желаніе или отвращеніе, непосредственно соединенное съ дѣйствіемъ, о которомъ происходило раздумье, и есть воля, такъ-что подъ волею разумѣется актъ, а не способность хотѣнія<sup>1</sup>.

Мы не будемъ оспаривать того, что Гоббсъ въ своихъ психологическихъ изслѣдованіяхъ вращается по преимуществу въ области субъективной психологіи и пользуется въ нихъ описательнымъ методомъ. Но съ нашей точки зрѣнія это не умаляетъ значеніе Гоббса, какъ психолога. Впрочемъ объ этомъ значеніи мы скажемъ дальше, а теперь обратимся къ странному, тѣмъ не менѣе довольно распространенному взгляду, по которому субъективная психологія, въ какомъ бы видѣ она ни являлась, отождествляется съ схоластическою психологіей. Этотъ взглядъ исходитъ изъ лагеря тѣхъ, которые признаютъ единственнымъ личнымъ методомъ въ психологіи объективный, понимая подъ нимъ способъ объясненія и истолкованія психическихъ фактовъ на основаніи экспериментальныхъ фیزیологическихъ изслѣдованій. Здѣсь не мѣсто пока вдаваться въ критику

<sup>1</sup> Leviathan. De homine. Cap. 6.



и теоретическія разсужденія о томъ, какъ понимать объективный методъ въ психологіи, и о другихъ, связанныхъ съ этимъ, вопросахъ. Къ этому, надѣмся, подготовить насъ историческое изложеніе предмета, нами здѣсь предпринятое. Здѣсь по ходу изложенія скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какова въ основныхъ своихъ положеніяхъ схоластическая психологія и чѣмъ отличается отъ нея психологія Гоббса.

Схоластическая философія (если можно такъ выразиться) тѣсно связана съ теологіей; схоластика не знала другихъ истинъ кромѣ тѣхъ, которыя заключались въ теологіи, принятой римско-католическою церковію, и не искала другихъ истинъ. Въ предѣлахъ указанныхъ теологическихъ истинъ схоластикамъ позволялось изощрять свой умъ, но только въ извѣстномъ направленіи: вся дѣятельность ума должна быть направлена къ тому, чтобы при помощи силлогистическихъ приемовъ доказать готовыя, указанныя теологіей истины. И психологія схоластиковъ основывалась также на теологическихъ данныхъ. Психологія есть наука «о душѣ»; душа есть субстанція; она есть существо духовное, безсмертное, одаренное умомъ и свободною волею. Въ предѣлахъ этихъ истинъ, схоластики и занимались психологическими вопросами. Особенно сильно занимать ихъ вопросъ о способностяхъ души. Въ существованіи способностей, какъ агентовъ души, они не сомнѣвались; но какъ эти способности относятся къ сущности души и существуетъ ли реальное различіе между душою и ея способностями, вотъ вопросъ, надъ которымъ много трудились схоластики. Одни изъ нихъ, такъ-называемые реалисты, слишкомъ далеко распространяли персонификацію способностей; другіе — номиналисты противодѣйствовали этой персонификаціи способностей; первые признавали реальное различіе между душою и ея способностями; вторые не признавали. Вообще этотъ вопросъ рѣшался въ связи и въ параллель съ вопросомъ о св. Троицѣ, о которой теоло-



гія учить, что «Богъ единъ по существу и троиченъ въ лицахъ»: душа по существу едина; умъ и воля существуютъ въ ней, какъ лица св. Троицы въ единомъ Богѣ.

Съ перваго взгляда видно уже, что въ психологіи Гоббса мы имѣемъ дѣло съ совершенно инымъ направленіемъ ума и иными приѣмами изслѣдованія, нежели въ схоластикѣ. Не говоря уже о смѣлой попыткѣ Гоббса объяснить дѣятельность воображенія, памяти, воспоминанія и проч. механическими законами движенія матеріи, — попыткѣ, которая не имѣетъ ничего общаго съ схоластическою психологіей, тамъ, гдѣ Гоббсъ исключительно возвращается въ области субъективной психологіи, онъ вноситъ въ изслѣдованіе ея совершенно иной духъ и направленіе, слѣдуетъ иному методу. Рѣшеніе вопроса о сущности души не входитъ въ программу его психологическаго труда, такъ-же какъ вопросъ о Богѣ и божественной сущности не входитъ въ его философію. Его изслѣдованія вообще ограничиваются только тѣми предметами, которые имѣютъ происхождение и рожденіе<sup>1</sup>. Только въ такихъ предметахъ его методъ изслѣдованія можетъ раскрыть ему причины и дѣйствія и вообще объяснить ему генезисъ искомага. Существо Бога и сущность души сюда не относятся. Рѣшеніе вопроса о способностяхъ души поставлено у Гоббса совершенно на иной путь, чѣмъ у схоластиковъ. Мы видѣли, что воображеніе и память сведены имъ къ одному и тому-же процессу, продолженію ощущеній и связи представленій (*connexio percceptionum*). «Воображеніе и память суть одно и то-же; по причинѣ различнаго взгляда это одно обозначается различными именами», говоритъ онъ. Послѣ ученія о перцепціи, на которомъ мы останавливались выше, это — вторая важная заслуга Гоббса въ научной психологіи. Мы не хотимъ сказать этимъ, что объясненіе воображенія и памяти, данное Гоббсомъ на основаніи дедуктивнаго заключенія, вполне

<sup>1</sup> *Elementa philosophiæ. Computatio.* §§ 2 и 8.



удовлетворительно; тѣмъ болѣе не за матеріалистическія тенденціи мы отдаемъ въ данномъ случаѣ должную справедливость психологіи Гоббса. Въ ученіи о воображеніи и памяти мы видимъ первый шагъ, который сдѣланъ Гоббсомъ къ тому, чтобы разрушить несостоятельное ученіе схоластиковъ о способностяхъ, какъ простыхъ, самостоятельныхъ агентахъ души. Мы имѣемъ основаніе предполагать, что вопросъ о способностяхъ души сильно занималъ Гоббса. Съ точки зрѣнія новыхъ научныхъ понятій онъ понималъ, какой тормазъ для научныхъ изслѣдованій въ психологіи представляетъ схоластическое ученіе о способностяхъ души. Въ самомъ дѣлѣ, какой успѣхъ можетъ имѣть научное изслѣдованіе, имѣющее своею задачей открыть постоянное и необходимое тамъ, гдѣ ничѣмъ необусловливаемая и неподчиненная никакимъ законамъ свободная воля вторгается во всѣ сферы психической жизни? Для изслѣдователя всѣ дѣйствія ея одинаково случайности; даже болѣе — передъ случайнымъ въ природѣ онъ не остановится; напротивъ, при помощи тѣхъ средствъ, которыми онъ располагаетъ, именно — при помощи наблюденія и опыта, онъ постарается узнать причину того, что казалось ему случайнымъ; относительно же свободной воли онъ не можетъ этого сдѣлать, такъ-какъ она существуетъ внѣ предѣловъ наблюденія и опыта, какъ о томъ учить схоластика. Нѣтъ сомнѣнія, что изслѣдованіе той области психической жизни, въ которой легче было прослѣдить постоянное и необходимое, т. е. изслѣдованіе необходимой связи представленій въ свободномъ теченіи нашихъ мыслей, дало Гоббсу смѣлость расширить психологическія изслѣдованія въ этомъ направленіи и распространить ихъ на высшія способности — интеллектъ и свободную волю. Поколебать схоластическое ученіе о томъ и о другой было не легко. Не говоря уже о тѣхъ вѣрованіяхъ, которыя соединены съ этимъ ученіемъ и посягать на которыя было не легко и не безопасно, интеллектъ и воля въ чело-



вѣкъ казались чѣмъ-то особеннымъ не выводимымъ и необъяснимымъ изъ опыта. Послѣ воображенія и памяти Гоббсъ перешелъ къ анализу интеллекта. Онъ раньше убѣдился въ истинѣ принципа, что слѣдуетъ восходить отъ простаго къ сложному и этимъ путемъ находить разгадку того, что кажется темнымъ и непонятнымъ. Обращаясь къ интеллекту, онъ встрѣтилъ прежде всего смутное представленіе о немъ и различныя толкованія. Чтобы установить опредѣленный смыслъ термина, онъ старается держаться на почвѣ наблюденія и анализа. На основаніи указанного принципа — восходить отъ простаго къ сложному — онъ убѣдился въ томъ, что интеллектъ тѣсно связанъ съ воображеніемъ, развивается на основаніи послѣдняго. Но какъ объяснить цѣлый рядъ умозаключеній, въ которыхъ образы воображенія не видны и, по-видимому, совершенно отсутствуютъ? Съ помощію анализа языка и названій Гоббсъ раскрылъ ту связь, которая существуетъ между интеллектомъ и рѣчью, и чрезъ это многое сдѣлалось понятнымъ. Превосходныя страницы, написанныя Гоббсомъ о значеніи языка и рѣчи, представляютъ замѣчательный для своего времени анализъ. При помощи членораздѣльной рѣчи запечатлѣвается индивидуальный опытъ каждаго человѣка и общій опытъ всѣхъ людей; при помощи ея возможна передача этого опыта изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. На этомъ твердомъ основаніи и съ помощію этого орудія идетъ развитіе человѣчества, вырастаютъ науки. При помощи членораздѣльной рѣчи облегчается индивидуальное развитіе каждаго: закрѣпивши словомъ цѣлый рядъ ощущеній и опытовъ, мы не заботимся далѣе о томъ, чтобы не забыть ихъ и не лишиться знанія; слово возвратитъ намъ пріобрѣтенное нами знаніе, когда это будетъ нужно. Благодаря той-же рѣчи, названіямъ, мы дѣлаемся способными создавать цѣлыя длинныя ряды умозаключеній. Словомъ, здѣсь лежитъ, по Гоббсу, разгадка происхождения и образованія интеллекта, который считался исклю-



чительною способностію. Такъ-какъ членораздѣльная рѣчь принадлежитъ исключительно человѣку, то съ этой стороны интеллектъ есть лишь достояніе человѣка. Но если мы расширимъ понятіе языка, если мы обобщимъ его съ знаками вообще, употребляемыми для выраженія представленій и чувствъ, то найдемъ, что интеллектъ въ извѣстной степени проявляетъ и у животныхъ; по-крайней-мѣрѣ, ученая собака понимаетъ — зоветъ ли ее хозяинъ къ себѣ или гонить отъ себя. То-же дѣлаютъ, говорить Гоббесъ, многія другія животныя'.

Тотъ-же методъ приводитъ Гоббеса и къ рѣшенію труднаго вопроса о свободной волѣ. Результатъ полученъ такой-же: то, что обыкновенно называютъ волею, есть нѣчто сложное и производное, даже болѣе сложное, чѣмъ интеллектъ; воля вырастаетъ на основаніи интеллекта. Въ составъ воли входятъ два необходимыхъ элемента: стремленіе, аппетитъ и отвращеніе, съ одной стороны, и обдумываніе (*deliberatio*) — съ другой.

Общій выводъ изъ всѣхъ этихъ изслѣдованій ясенъ: нѣтъ тѣхъ способностей, какъ простыхъ и самостоятельныхъ агентовъ, въ нашей душѣ, о которыхъ учили схоластики. «Лишь метафорическій языкъ приписываетъ, говоритъ Гоббесъ, способностямъ души команду и подчиненіе, какъ будто онѣ составляютъ общество или семью между собою и должны говорить, какая изъ нихъ неспособна усматривать истину при изслѣдованіи».

Особенно усилія Гоббеса направлены были къ тому, чтобы опровергнуть ложное, по его взгляду, ученіе схоластиковъ о свободной волѣ. Съ этою цѣлію написано имъ отдѣльное сочиненіе подъ заглавіемъ — «Вопросы о свободѣ, необходимости и случаѣ». Въ борьбѣ съ старымъ ученіемъ о свободной волѣ принялъ самое энергичное участіе и другой философъ того времени — Спиноза. Послѣдній, не смотря на все свое нежеланіе «обнаруживать заблужденія и ошибки другихъ» (какъ онъ заявляетъ объ

<sup>1</sup> *Leviathan. De homine. Cap. 2, въ концѣ.*



этомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ), отступаетъ отъ этого правила, когда касается вопроса о свободной волѣ. Онъ не можетъ простить Декарту того, что онъ удержалъ схоластическое учение о свободной волѣ. Учение о свободной волѣ есть, говоритъ Спиноза, выдумка людей, людской предразсудокъ, который вредно отзывается на міровоззрѣніи и понятіяхъ о нравственности и добродѣтели.... Представленіе о свободной волѣ раждается у людей отъ того, что они сознаютъ свои дѣйствія, но не сознаютъ причинъ, которыми опредѣляются дѣйствія»<sup>1</sup>.

Спиноза. Знаменитый философъ XVII столѣтія Спиноза своимъ личнымъ характеромъ, грандіозною метафизикою и неумолимою логикой во многомъ затмилъ славу своего предшественника Декарта. Но, во-первыхъ, несомнѣнно, что Декартъ указалъ путь къ тому, что сдѣлано Спинозою въ философіи, и, во-вторыхъ, есть одно, въ чемъ безспорно ученикъ уступалъ своему учителю; это — самостоятельныя естественно-научныя и математическія изслѣдованія и опытные знанія, сюда относящіеся. Это отразилось и на психологіи Спинозы.

Психологическая часть знаменитаго трактата Спинозы — «Этика» доселѣ служить предметомъ изученія для психологовъ. Мы находимъ здѣсь болѣе систематическую обработку психологическихъ вопросовъ, чѣмъ у Декарта, каковы вопросы — объ умѣ, страстяхъ, ассоціаціяхъ идей, волѣ и проч. Но она сдѣлана въ извѣстномъ направленіи и принадлежитъ по преимуществу субъективной психологіи; кромѣ того, она облегчена, какъ мы можемъ предполагать, психологическими трудами Гоббса.

Послѣ Декарта и Гоббса Спиноза категорически высказывается, что природа страстей слѣдуетъ общимъ законамъ природы.

<sup>1</sup> Bened. v. Spinoza's Ethik, übersetzt. v. Kirchman. I Theil, въ концѣ стр. 42 и слѣд.; IV Theil. Vorrede.



«Большая часть тѣхъ, говорить онъ, которые писали о страстяхъ и образъ человѣческой жизни, разсуждаютъ, кажется, не о чемъ-либо естественномъ, что слѣдуетъ общимъ законамъ природы, о чемъ-то, выходящемъ изъ ряда натуры; они, кажется, понимаютъ человѣка въ природѣ, какъ *status in statu*. Мое же убѣжденіе таково, что въ природѣ ничего нѣтъ, что могло бы быть приписано недостатку ея, потому что природа всегда и вездѣ одинакова; ея дѣйствія и силы нужно разсматривать одинаково вездѣ, т. е. законы и правила природы, по которымъ все происходитъ и переходитъ изъ одного вида въ другой, вездѣ и всегда одни и тѣ-же»<sup>1</sup>. «Я разсматриваю человѣческіе аффекты, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, каковы — любовь, ненависть гнѣвъ, зависть, любовь ко славѣ, состраданіе и другія душевныя волненія, не какъ пороки человѣческой натуры, а какъ свойства, которыя принадлежать ей такимъ-же образомъ, какъ природѣ воздуха принадлежать жаръ, холодъ, буря, громъ и другія явленія того-же рода. Хотя страсти и непріятны, однако онѣ необходимы и имѣютъ извѣстныя причины, чрезъ которыя мы стараемся понять ихъ природу».

Но методъ Спинозы исключительно геометрическій. «Вѣроятно, говорить онъ, покажется страннымъ, что я хочу сдѣлать попытку изслѣдовать недостатки и глупость людей по образцу геометріи съ доказательствами»<sup>2</sup>. «Я постараюсь разсмотрѣть человѣческія дѣйствія и аппетиты такъ, какъ-бы дѣло касалось линій, поверхностей и тѣлъ»<sup>3</sup>. Чрезъ это трактатъ Спинозы «О страстяхъ» (3-я книга этики) выигралъ со стороны систематичности изложенія предмета, точности опредѣленій, установленія классификаціи и со стороны доказательности; но изслѣдованіе сведено исключительно на почву субъек-

<sup>1</sup> *Bened. v. Spinoza's Ethik übersetz. v. Kirchmann. III Theil. Vorrede, стр. 101 и слѣд.*

<sup>2</sup> *Ibid. стр. 102.* <sup>3</sup> *Ibid. стр. 103.*



тивную; физиологическая же сторона, которою такъ много занимался Декартъ, оставлена безъ вниманія. Правда, идея механизма въ известной области психической жизни удержана и Спинозою, какъ руководительное начало. Такъ, напр., онъ говоритъ: «впечатлѣнія, которыя производятъ внѣшнія тѣла на человѣческое тѣло, оставляютъ въ немъ слѣды, которые остаются послѣ того, какъ предметъ, ихъ произведшій, устраненъ»; эти слѣды соединяются между собою въ душѣ такъ-же, какъ въ тѣлѣ»; такимъ образомъ «порядокъ и связь идей совершается въ душѣ по порядку и связи аффектовъ тѣла»<sup>1</sup>; если душа за-разъ бываетъ возбуждена двумя аффектами, то послѣ, когда она снова бываетъ возбуждена однимъ изъ этихъ аффектовъ, возбуждается въ то-же время и другимъ аффектомъ»<sup>2</sup>. Но эти положенія являются у Спинозы, большею частію, какъ выводы изъ принятыхъ имъ апріорныхъ положеній. Послѣднія можно формулировать кратко такимъ образомъ: души не суть реальности сами по себѣ; онѣ суть модусы единой мыслящей субстанціи, — идеи или соединеніе идей; душа человѣка есть идея или субъектъ человеческого тѣла; человеческое тѣло есть объектъ человеческой души; самъ человѣкъ представляетъ собою единство тѣла и души; тѣло и душа — одно и то-же бытіе, и т. д.

<sup>1</sup> Ibid. стр. 71. <sup>2</sup> Ibid. стр. 115.



## ГЛАВА ВТОРАЯ.

## Бэконъ, Глиссонъ (Glisson) и Лейбницъ.

Бэконъ. Въ природѣ, говоритъ Бэконъ, не можетъ быть никакой причины первичной матеріи, ея силъ и дѣйствій ей свойственныхъ (Бога мы всегда исключаемъ); ибо впереди матеріи ничего нѣтъ; она есть первѣйшая. Для насъ матерія есть причина причинъ. Въ природѣ нельзя переходить отъ причины къ причинѣ до безконечности, потому что причинность не распространяется далѣе извѣстныхъ предѣловъ. Въ самомъ дѣлѣ, первый принципъ долженъ быть въ природѣ, такъ-какъ отъ него все происходитъ<sup>1</sup>. Матерія безъ формы и движенія есть фикція, несуществующая абстракція; тѣмъ болѣе первичную матерію слѣдуетъ понимать не иначе какъ въ связи съ первою формою и принципомъ движенія. Матерію, форму и движеніе слѣдуетъ различать, но не раздѣлять и не разрывать. О матеріи слѣдуетъ думать такъ, что все свойства, силы, дѣйствія и движенія въ природѣ суть ея слѣдствія и вытекаютъ изъ нея непосредственно. Древніе философы (Эмпедокль, Анаксагоръ, Анаксименъ, Гераклитъ и Демокритъ) почти все согласны въ томъ, что матерія активна и въ самой себѣ имѣетъ принципъ движенія. Поэтому нужно принять за

<sup>1</sup> Parmenidis, Telesii et Democriti philos. Стр. 650, и Nov. Org. I et 48.



принципъ, что все предметы происходятъ изъ матеріи и обращаются въ матерію<sup>1</sup>.

Вся сумма матеріи на-всегда остается одна и та-же, не увеличиваясь и не уменьшаясь. Но тѣла, между которыми эта сумма распредѣляется, имѣютъ или больше или меньше матеріи<sup>2</sup>. Все тѣла имѣютъ стремленіе къ соединенію между собою; равнымъ образомъ все тѣламъ присуще стремленіе къ подвижности и разъединенію. Мы того мѣня, что все тѣламъ присуще стремленіе къ ассимилированію между собой и къ соединенію съ однородными<sup>3</sup>.

Далѣе, все тѣла имѣютъ способность перцепціи (*vim percipiendi*). « Не говоря уже о тончайшихъ перцепціяхъ, которыя обнаруживаются въ такихъ случаяхъ, какъ, напр., когда магнитъ притягиваетъ желѣзо или пламя сожигаетъ нефть, тѣло перципируетъ пути, по которымъ движется; воспринимаетъ напоръ другаго тѣла, которому уступаетъ; наконецъ, вездѣ существуетъ перцепція: воздухъ такъ чувствителенъ къ воспріятію тепла и холода, что его перцепція гораздо тоньше, чѣмъ у человека осязаніе, которое принимается за норму теплаго и холоднаго. Кажется, никакимъ образомъ нельзя узнать ни различія между простою перцепціей и ощущеніемъ, ни того, на-сколько перцепція возможна безъ чувства »<sup>4</sup>.

Равнымъ образомъ тѣла имѣютъ способность аппетита. « Воздухъ вбираетъ въ себя (*imbibit*) свѣтъ, звуки, запахи, пары; очевидно, что это дѣлается какъ-бы съ нѣкоторою жадностію, какъ будто онъ недоволенъ предъидущимъ состояніемъ, ибо въ другое время онъ не допускаетъ этого такъ легко и быстро. Вода и жидкость быстро воспринимаютъ сухое; равнымъ

<sup>1</sup> Ibid. стр. 653—654.

<sup>2</sup> Hist. densi et rari, стр. 482. Nov. Org. II. A. 20.

<sup>3</sup> Nov. Org. II. Aph. 48.

<sup>4</sup> De augment. scienc. IV. c. 3. Hist. Natur. Cent. IX. Praef.



образомъ, сухія тѣла вбираютъ въ себя (*imbibunt*) воду и жидкость. Кажется, что это воспріятіе другихъ тѣлъ не насильственное, ибо часто это совершается взаимно и какъ-бы по сочувствію. Слѣдуетъ внимательно размыслить о причинахъ всего этого и о томъ, къ какому принципу (*axioma*) можно отнести эти явленія). *Venustum illud, quod materia similis est scorto, corpus vulganti, quia omnes formas desiderat, notio tantum est vaga*<sup>1</sup>.

Можно наблюдать и страсти тѣлъ (*passiones corporum*). Страсти тѣлъ, одаренныхъ ощущеніемъ и неимѣющихъ его, имѣютъ большое сходство между собою; различіе между ними заключается только въ томъ, что тѣла, имѣющія ощущеніе, имѣютъ душу (*spiritus*). Ибо глазъ сходенъ съ зеркаломъ или водою и по сходству натуры онъ ощущаетъ образы свѣта и видимыхъ предметовъ и отвѣчиваетъ ихъ<sup>2</sup>. Сколько чувствъ въ животномъ тѣлѣ, столько-же несомнѣнно и движеній въ тѣлѣ неодушевленномъ. Наглядный примѣръ этого представляетъ боль. Ибо какъ-бы много ни было видовъ боли у животныхъ и какъ-бы ни были разнообразны онѣ по характеру (такъ-какъ боль обжога и боль отъ холода различны), вѣрно то, что всѣ онѣ, какъ движеніе, свойственны неодушевленнымъ тѣламъ, напр. дереву или камню, когда они подвергаются дѣйствію огня или холода<sup>3</sup>.

Сдѣланныя нами выдержки изъ сочиненій Бэкона нѣсколько удивятъ нѣкоторыхъ изъ читателей, привыкшихъ соединять съ именемъ Бэкона представленіе объ основателѣ индуктивнаго метода и точной науки, такъ-какъ онѣ содержатъ въ себѣ больше мистическихъ понятій, отзывающихся средневѣковою алхіміей, чѣмъ точныхъ знаній. Но мы сдѣлали ихъ не для того, чтобы удивить читателей, а для того, чтобы извлечь изъ нихъ

<sup>1</sup> Hist. Natur. Cent. VIII, § 800. Nov. Org. II. Aph. 48.

<sup>2</sup> Imp. Philosoph. стр. 722.

<sup>3</sup> Nov. Org. II. Aph. 27.



два главных положенія: а) матерія имѣтъ въ себѣ принципъ движенія и формы; она активна по природѣ, и б) всѣ тѣла имѣютъ способность перцепціи (хотя ощущеніе принадлежитъ только одушевленнымъ тѣламъ), аппетита и страстей.

Очевидно, что первое изъ этихъ положеній совершенно противоположно основному положенію Декарта о матеріи (последній училъ, что матерія по природѣ пассивна, не имѣтъ въ себѣ принципа движенія). Второе положеніе тоже противно духу философскаго міровоззрѣнія Декарта. Какъ мы увидимъ дальше, въ этомъ выразилась разниа міровоззрѣній не только двухъ мыслителей, но и двухъ школъ, которыя одинаково примыкаютъ къ естественно-научнымъ изслѣдованіямъ вѣка.

Касаясь общихъ теоретическихъ взглядовъ Бэкона на матерію, мы не можемъ не указать на научныя изслѣдованія его соотечественника Джильберта, придворнаго врача королевы Елисаветы и Іакова 1-го (Джильбертъ умеръ въ 1603 г.), именно — на его сочиненіе: «О магнитѣ» (*De magnete*), и другое: «Новая философія о нашемъ подлунномъ мірѣ» (*De mundo nostro sublunari philosophia nova*). Самъ Бэконъ указываетъ на Джильберта, какъ представителя экспериментальнаго изслѣдованія. Несомнѣнно, что изслѣдованія Джильберта о магнитѣ и магнетизмѣ представили наилучшую иллюстрацію дѣйствія силъ матеріи и въ частности — силы притяженія и отталкиванія. Но Бэконъ подъ вліяніемъ алхимиковъ усмотрѣлъ въ явленіяхъ, изслѣдованныхъ Джильбертомъ, такія свойства, которыхъ не усматривалъ экспериментаторъ Джильбертъ. Онъ говоритъ: «Электрическое дѣйствіе, относительно котораго Джильбертъ и другіе послѣ него составили такую замѣчательную исторію, есть не что иное, какъ аппетитъ тѣла, который, будучи возбужденъ чрезъ треніе, не выноситъ воздуха и предпочитаетъ другое осязаемое тѣло, если оно находится близко<sup>1</sup>».

<sup>1</sup> Nov. Org. II.



Какъ бы то ни было, два положенія, указанные нами выше, какъ положенія основныя, повліяли въ послѣдствіи на научныя изслѣдованія въ физиологіи и отразились на научныхъ изслѣдованіяхъ и въ области психологіи.

Глиссонъ. Не многимъ извѣстно имя Глиссона — англійскаго врача, который жилъ и писалъ въ XVII стол. (род. 1596 г., ум. въ 1677 г.)<sup>1</sup>. Онъ занимался по преимуществу анатомическими изслѣдованіями. Первое сочиненіе, сюда относящееся, было объ анатоміи печени подъ заглавіемъ: «*Anatomia hepatis*» (cui prae-mittuntur quaedam ad rem anatomicam universe spectantia et ad calcem operis subjiciuntur nonnulla de lymphae ductibus nuper repertis. Lond. 1654). Объ этомъ сочиненіи Галлеръ говорить съ удивленіемъ. «Этотъ трудъ, говоритъ онъ, исполненъ замѣчательныхъ открытій и превосходныхъ описаній. Въ немъ находится особенно подробное изученіе оболочки, которая называется его именемъ, а также весьма точныя и весьма полезныя разсужденія объ образованіи и движеніи желчи и проч. Глиссонъ пользовался вспрыскиваніями съ помощію особенной трубки, которую онъ описалъ. Заключительный отрывокъ представляетъ хорошее знакомство съ лимфатическими сосудами и питательною влагою, которую они разносятъ, съ оригинальными взглядами на селезенку и железы»<sup>2</sup>. Второе сочиненіе, относящееся къ анатоміи, есть трактатъ «О желудкѣ и внутренностяхъ»<sup>3</sup>. Это сочиненіе издано Глиссономъ передъ смертію. Трактату о желудкѣ и внутренностяхъ предшествовало сочиненіе философскаго характера подъ заглавіемъ: «Трактатъ объ

<sup>1</sup> Н. Marion, La philosophie de F. Glisson, — помещено въ Revue philosophique за 1882 г. № 8. Отсюда заимствованы всѣ выдержки и цитаты.

<sup>2</sup> Marion, La philosophie de Glisson. стр. 124.

<sup>3</sup> Tractatus de ventriculo et intestinis, cui praemittitur alius de partibus, continentibus in genere et in specie iis abdominalis. Lond. 1677.



энергической природѣ субстанціи, или о жизни природы, ея трехъ основныхъ естественныхъ способностяхъ: 1) перцепціи, 2) аппетитѣ, 3) движеніи (*Tractatus de natura substantiæ energetica, seu vita naturæ, ejusque tribus primis facultatibus: I) perceptiva, II) appetitiva, III) motiva naturalibus. Lond. 1672*). Хотя этотъ трактатъ вышелъ въ свѣтъ раньше трактата «О желудкѣ и внутренностяхъ», но написанъ послѣ его, какъ можно видѣть изъ словъ Глиссона: «Я рѣшился, говорить онъ въ трактатѣ о желудкѣ и о проч., отложить изданіе въ свѣтъ этого трактата и напередъ издать другой о жизни природы»<sup>1</sup>.

Глиссонъ, какъ медикъ, знаменитъ своимъ ученіемъ о само-бытной раздражимости мышечныхъ волоконъ. Онъ первый предложилъ это ученіе. Важное само-по-себѣ, оно богато благотворными для физиологіи послѣдствіями. Хотя это ученіе у Глиссона стоитъ въ связи съ его метафизическими идеями (о которыхъ будетъ сказано дальше) и основано какъ на наблюденіи, такъ и на дедукціи или, какъ онъ выражается, а posteriori и а priori, но уже Галлеръ указалъ важность его для физиологическихъ изслѣдованій. Самобытная раздражимость мышечныхъ волоконъ состоитъ въ томъ, что мышцы подъ вліяніемъ стимула сокращаются. Нельзя ставить его въ исключительную зависимость отъ нервовъ, такъ - какъ она проявляется въ мышцахъ нѣкоторое время послѣ того, какъ нервы перестали дѣйствовать на мышцы. Такимъ образомъ, путемъ наблюденія подтверждено присутствіе въ мышцахъ самобытной энергіи, которая проявляетъ себя независимо отъ нервовъ, тѣмъ болѣе — помимо дѣйствія воли и представленія, какъ элементовъ проявленія духовнаго начала. Съ другой стороны, эта энергія и дѣйствія, отсюда вытекающія, представляютъ собою нѣчто своеобразное, специфическое, не выводимое изъ общихъ зако-

<sup>1</sup> Marion, La philosophie de Glisson, стр. 125. De ventric. et intest. Lectori benevolo, стр. 1.



новъ механики. Итакъ, сдѣланъ важный шагъ къ освобожденію физиологіи отъ метафизики и отъ дедуктивнаго способа объясненія явленій, сюда относящихся, изъ принципа, будетъ ли то принципъ механическій или духовный; физиологія вступаетъ на путь точной, положительной науки; физиологи призываются къ наблюденію и непосредственному изученію фактовъ, относящихся къ растительной и животной природѣ организма.

Глиссонъ, какъ говоритъ въ своей статьѣ Маріонъ, въ своемъ раннемъ сочиненіи — «Анатомія печени» употреблялъ слово раздражимость въ неточномъ смыслѣ слова съ отбѣнкомъ антропоморфизма; лишь въ последнемъ своемъ сочиненіи — «О желудкѣ и внутренностяхъ» онъ употреблялъ его въ надлежащемъ, точномъ смыслѣ; такъ, напр., онъ приписывалъ раздражимость волокнамъ сердца, о которомъ думалъ, что оно не находится подъ вліяніемъ дѣйствія нервовъ<sup>1</sup>.

Но входитъ въ болѣе подробное изложеніе и критическую оцѣнку анатомическихъ и физиологическихъ изслѣдованій Глиссона мы не имѣемъ нужды, хотя не можемъ не замѣтить, что всякій подобный успѣхъ въ физиологическихъ изслѣдованіяхъ служилъ къ облегченію психологическихъ изслѣдованій, точно ограничивая предѣлы двухъ областей, такъ тѣсно связанныхъ между собою: въ самобытной раздражимости мышечныхъ волоконъ указана функція организма, совершенно независимая отъ психическаго элемента. — Перейдемъ къ философскимъ и психологическимъ идеямъ Глиссона.

Не имѣя подъ руками сочиненія Глиссона, сюда относящагося, мы принуждены ограничиться здѣсь выдержками, сдѣланными Маріономъ въ указанной нами выше статьѣ.

Вѣроятно, Глиссонъ былъ знакомъ съ сочиненіями Бэкона, по крайней-мѣрѣ онъ говоритъ, что, кто желаетъ найти истину, то долженъ принять руководителемъ знаменитаго Бэкона, чтобы

<sup>1</sup> *Marion, La philosophie de Glisson, стр. 128.*



не сбиться съ пути<sup>1</sup>. Подобно Вэкону, который говоритъ, что «матерію, форму и движеніе слѣдуетъ различать, но не раздѣлять и не разрывать», Глиссонъ высказываетъ, что ошибки происходятъ отъ того, что философы принимаютъ различные абстрактивные концепты за различныя реальности; это препятствуетъ въ-частности знать субстанціальную жизнь природы и жизненную природу субстанцій<sup>2</sup>. «Матерія и первоначальная ея жизнь—въ основаніи одно и то-же; жизнь матеріи есть энергичная природа».

Этой энергичной природѣ присуща сила пластическая, которую руководятъ первичныя естественныя способности: а) способность перцепціи, б) способность аппетита, и в) движенія. Глиссонъ, согласно съ Вэкономъ, принимаетъ первичную естественную перцепцію, отличную отъ перцепціи въ ощущеніи. Нужно, по Глиссону, отличать естественную перцепцію отъ перцепціи въ ощущеніи. Ощущеніе есть результатъ организаціи и отъ нея зависитъ; естественная же перцепція предшествуетъ ей. Перцепціи въ ощущеніи суть модификаціи примитивной и простой перцепціи природы. Если-бы не было этой послѣдней естественной перцепціи, то никакая модификація не могла бы сдѣлаться животною перцепціей или перцепціей въ ощущеніи; но естественная перцепція, данная вмѣстѣ съ матеріей, модифицируется согласно организаціи»<sup>3</sup>.

Равнымъ образомъ есть жизнь первичная, источникъ и корень жизни природы вообще и животныхъ въ-частности: жизнь растений и животныхъ есть такая-же модификація первичной жизни, какъ перцепція въ ощущеніи есть модификація первичной перцепціи. Что касается жизни животныхъ, говоритъ Глиссонъ, то души ихъ не суть субстанціи, сообщающія жизнь, а простые модусы матеріи; онѣ предполагаютъ субъектъ, предшествующій имъ, который модифицируетъ ихъ. Это та-же матерія, которая

<sup>1</sup> Marion, стр. 132. <sup>2</sup> Ibid. стр. 33. <sup>3</sup> Ibid. стр. 35.



есть ближайшій и первый субъектъ матеріальной жизни»<sup>1</sup>. Жизнь различна у различныхъ животныхъ, и жизнь одна у животныхъ и другая у растеній. «Если-бы не существовало первичной жизни раньше всѣхъ этихъ органическихъ модификацій, то эти модификаціи не произвели бы и тѣни жизни»<sup>2</sup>.

И движенія, при помощи которыхъ тѣла принимаютъ форму, свойственную ихъ виду, нагляднымъ образомъ раскрываютъ внутреннюю жизнь природы; ибо какой внѣшней причинѣ приписать движенія, которыя производятъ столь удивительный схематизмъ? Это — природа, которая оперируетъ тайнымъ образомъ внутри и которая, чтобы реализовать идею вида, образуетъ матерію по этой модели<sup>3</sup>. Органы суть только орудія природы; сама природа образуетъ ихъ, разнообразить въ различныхъ случаяхъ, дабы служить нуждамъ. Слѣдовательно, природа совершенно иное, чѣмъ расположеніе составныхъ частей<sup>4</sup>.

Собственно говоря, въ томъ, что доселѣ изложено нами, находится немного матеріала, относящагося къ психологін, и для читателя, быть можетъ, не вполне ясно, почему мы въ своемъ очеркѣ развитія психологін обратили особенное вниманіе на Глиссона, сдѣлавшагося извѣстнымъ въ другой области знаній. Это немногое — характерно, отвѣтимъ мы; здѣсь положено начало другому научному направленію въ психологическихъ изслѣдованіяхъ новаго міра. Но прежде, чѣмъ касаться характеристики этого направленія, остановимся еще на нѣкоторыхъ отрывочныхъ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ Глиссономъ для объясненія ощущенія.

Выше сказано, что перцепція въ ощущеніи есть, по Глиссону, модификація примитивной естественной перцепціи. Далѣе онъ дѣлаетъ попытку дать объясненіе происхожденія ощущеній

<sup>1</sup> Marion, La philosoph. de Glisson, стр. 134. Ad lectorem. § 7.

<sup>2</sup> Ibidem. стр. 134. Ad lectorem. § 19.

<sup>3</sup> Ibid. стр. 134. <sup>4</sup> Ibid.



въ связи съ происхожденіемъ и самыхъ органовъ ихъ. «Когда, говоритъ онъ, матерія вошла въ соотвѣтственное устройство, то, усматривая, что можно облагородить и поднять естественную перцепцію съ помощію удвоенія своихъ дѣйствій и раздѣльнаго мышленія, она предпринимаетъ дѣло организаціи. Для каждаго чувства она образуетъ отдѣльный органъ, — органъ удвоенный, такъ-сказать: въ немъ одна половина внѣшняя, другая — внутренняя. Усматривая въ то-же время, что нѣтъ необходимости, чтобы каждый внѣшній органъ соотвѣтствовалъ внутреннему, она образуетъ одинъ внутренний органъ для всѣхъ внѣшнихъ органовъ и соединила ихъ чрезъ отдѣльные нервы. Ощущеніе имѣетъ мѣсто только при условіи удвоенія перципирующаго акта, ибо, если нервъ, благодаря которому перцепція удвоена, перерѣзать, то не послѣдуетъ никакого ощущенія. Ничего не можетъ быть сознано изъ того, что ощущается, если перцепція внѣшняго органа на своемъ пути не воспринята бываетъ общимъ чувствомъ. Слѣдовательно, ощущеніе есть перцепція сложная и модифицированная; эта удвоенная перцепція есть, такъ-сказать, перцепція различающая и сознающая свои акты»<sup>1</sup>.

Что-же это за направленіе, въ которомъ Глиссонъ развиваетъ свои идеи и дѣлаетъ изслѣдованія въ области психологіи? Обращаясь къ исторіи, мы встрѣчаемся съ нимъ у Аристотеля, такъ-что новое въ ново-европейскомъ мірѣ оно не ново въ исторіи. Оно, пожалуй, ближе къ схоластикѣ, на-сколько схоластика близка къ Аристотелю, какъ философскому авторитету церкви. Глиссонъ, въ противоположность Гоббсу и согласно съ схоластиками, признаетъ первичныя, простыя, независимыя способности, существующія раньше всякаго опыта, онѣ обуславливаютъ опытъ, а не создаются имъ. Но эти способности существуютъ не въ душѣ, а въ энергичной матеріи, и неразрывно существуютъ съ принципомъ жизни, который по существу —

<sup>1</sup> Marion, La philosoph. de Glisson, стр. 135 — 136. Ad lectorem. II.



одно и то-же съ энергіей матеріи. Эти способности — а) перцепція, б) аппетитъ и в) движеніе. Тѣ способности, которыя на популярномъ языкѣ извѣстны подъ именемъ душевныхъ способностей, не суть простыя и первичныя способности; онѣ производны, сложны, находятся въ связи съ организаціей и въ зависимости отъ развитія жизни въ живыхъ существахъ и въ частности въ человѣкѣ. Сначала природа создаетъ организмъ и образуетъ органы согласно руководящей идеѣ; за-тѣмъ начинается проявленіе первичныхъ способностей въ измѣненномъ видѣ согласно устройству органовъ и развитію жизни.

Это, по нашему мнѣнію, возвращеніе къ истинному смыслу ученія Аристотеля о способностяхъ, извращеннаго схоластикомъ. У Аристотеля понятіе души сводится къ понятію жизни или принципа жизни; способности являются въ связи съ развитіемъ жизни и съ организаціей. Глиссонъ повторилъ въ общихъ чертахъ ученіе Аристотеля.

Изъ такой постановки дѣла относительно обнаруженія дѣятельности способностей, когда оно ставится въ связи съ организаціей и развитіемъ жизни, вытекаютъ важныя руководительныя начала для психологическихъ изслѣдованій: а) такъ-называемыя способности души не суть способности простыя, независимыя, непродуцируемыя; б) характеръ ихъ дѣятельности обусловливается организаціей и развитіемъ жизни; в) по мѣрѣ развитія жизни и усложненія организаціи усложняется и дѣятельность способностей, являясь высшимъ развитіемъ ихъ, и принимаетъ иной характеръ; г) психологъ обязанъ изучить организацію живыхъ существъ во всѣхъ ступеняхъ ея развитія, чтобы надлежащимъ образомъ понять психическую жизнь вообще и такъ-называемыя душевныя способности въ-частности.

Глиссонъ остановился главнымъ образомъ на ощущеніи, стараясь указать зависимость характера ощущеній отъ органовъ и ихъ устройства. Относительно же другихъ способностей онъ огра-



ничился общимъ замѣчаніемъ безъ указаній на организацію. Въ перцепціи онъ отличаетъ три степени развитія: низшую степень представляетъ естественная перцепція; далѣе слѣдуетъ перцепція въ ощущеніи, получаемая чрезъ чувственные органы; наконецъ, перцепція интеллектуальная, когда она сопровождается рефлексіей и размышленіемъ. Естественной перцепціи соответствуетъ естественное стремленіе или аппетитъ въ широкомъ смыслѣ слова; перцепціи въ ощущеніи соответствуетъ аппетитъ въ тѣсномъ смыслѣ и инстинктивные движенія; здѣсь мы имѣемъ дѣло съ животною жизнію; наконецъ, тамъ, гдѣ имѣетъ мѣсто интеллектуальная перцепція, существуетъ воля и начинается разумная жизнь<sup>1</sup>.

Хотя Глиссонъ рекомендуетъ методъ Бэкона въ дѣлѣ научнаго изслѣдованія, однако самъ онъ говоритъ въ своемъ трактатѣ о природѣ жизни и *a priori* и *a posteriori*<sup>2</sup>. Нужно сознаться, что въ его философскомъ сочиненіи *a priori*ный методъ преобладаетъ. Персонификація природы, допускаемая Глиссономъ, по образцу алхимиковъ, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, отнюдь не есть признакъ научнаго изслѣдованія.

Лейбницъ. Философскій трактатъ Глиссона, по-видимому, былъ мало извѣстенъ, хотя тѣ изъ писателей, которымъ онъ былъ извѣстенъ, всегда чувствовали и сознавали сходство и общность философскихъ идей Глиссона съ такими же идеями Лейбница. Маріонъ въ своей статьѣ рѣшился показать возможность непосредственнаго знакомства Лейбница съ философскимъ трактатомъ Глиссона. Эта возможность очень вѣроятна; но мы считаемъ неумѣстнымъ вдаваться здѣсь въ разсмотрѣніе этого вопроса; замѣтимъ только, что Глиссонъ и Лейбницъ симпатизировали одинаково извѣстнымъ древнимъ и средневѣковымъ писателямъ; слѣдовательно, черпали свои философскія идеи изъ одного и того

<sup>1</sup> Marion, La philos. de Glisson, стр. 144. <sup>2</sup> Ibid. стр. 133.



же источника. Сюда относятся: Аристотель, Фонт-Гельмонтъ, Кампанелла, Ваконъ и друг.

Нѣтъ сомнѣнія, что Лейбницъ, какъ метафизикъ и философскій мыслитель, гораздо выше Глиссона и эрудиція его гораздо обширнѣе, чѣмъ эрудиція послѣдняго. Если Глиссонъ занимался непосредственно анатомическими изслѣдованіями и въ нихъ искалъ реальную почву для своихъ аргюг'ныхъ построеній и гипотезъ, то Лейбницъ усердно слѣдилъ за новыми научными изслѣдованіями въ другой сродной области знаній, естественной исторіи, и изъ нихъ извлекалъ данныя для своихъ метафизическихъ построеній и натурфилософскихъ идей. Въ самомъ дѣлѣ, изслѣдованія Leuwenhoek'a и Сваммердама привлекаютъ его особенное вниманіе. И неудивительно. Вооруженные микроскопомъ, они раскрыли жизнь природы, которая ускользаетъ отъ невооруженнаго глаза. Неутомимый наблюдатель Leuwenhoekъ открылъ въ малой каплѣ воды мириады существъ безконечно малыхъ, предъ которыми клещъ — гигантъ, маленькихъ животныхъ, которыя съ быстротою и энергично движутся въ этой ничтожной каплѣ. Онъ наблюдалъ присутствіе этихъ безконечно малыхъ существъ не только въ водѣ, но и во всякой другой жидкости и даже въ воздухѣ. Другой не менѣе терпѣливый наблюдатель, Сваммердамъ, искусно разсѣкалъ малыхъ насѣкомыхъ и изучалъ строеніе органовъ и различныхъ сосудовъ, находящихся внутри организма; съ наблюденіемъ онъ соединялъ и эксперименты, дабы изучить функціи органовъ. Не только изслѣдованія Leuwenhoek'a и Сваммердама, но и все, что изслѣдовалось и наблюдалось учеными того времени въ указанной области фактовъ, было предметомъ особеннаго изученія и темою его собственныхъ философскихъ и критическихъ размышленій. Цѣлый рядъ его основныхъ философскихъ воззрѣній и началъ связанъ съ этого рода изслѣдованіями, какъ это видно изъ его «Теодицеи», «Монадологіи», «Новыхъ опытовъ о человѣческомъ разумѣ» и другихъ его сочи-



неній. Въ этихъ-же изслѣдованіяхъ почерпнуто имъ довольно матеріала и для психологическихъ его изслѣдованій.

«Я не знаю, говоритъ Лейбницъ, массъ ни къ чему непригодныхъ, безполезныхъ, недѣятельныхъ, о которыхъ говорятъ. Всюду существуетъ дѣятельность....; нѣтъ тѣла безъ движенія, ни субстанціи безъ энергіи. Нѣтъ во вселенной ничего невоздѣланнаго, безплоднаго, мертваго.... Вся природа полна жизни»<sup>1</sup>. «Вся матерія должна быть полна одушевленныхъ или по-крайней-мѣрѣ живыхъ субстанцій. Нѣтъ пункта въ этой матеріи, въ которомъ не нашлось бы цѣлаго безпредѣльнаго міра созданій организованныхъ и скученныхъ вмѣстѣ»<sup>2</sup>. «Каждую часть матеріи можно разсматривать какъ садъ, полный растеній, и какъ прудъ, полный рыбъ. Даже каждая вѣтка растенія, каждый членъ животнаго, каждая капля жидкости составляютъ такой-же садъ и такой-же прудъ»<sup>3</sup>. Вотъ что диктовалъ Лейбницу микроскопъ Leuwenhoek'a. При созерцаніи безконечно малыхъ живыхъ существъ въ каплѣ воды, всѣ представленія о матеріальныхъ массахъ, подчиненныхъ дѣйствію лишь механическихъ законовъ, направленному отъ-внѣ, оказываются непригодными для аналогическаго умозаключенія; самое представленіе матеріи ускользаетъ; выступаетъ на первый планъ лишь математическая точка. Но эта математическая точка — не безжизненна и не бездушна; въ ней воплощается и изъ нея развивается полный жизни и разнообразія организмъ съ стремленіемъ и представленіями. Эту точку Лейбницъ называетъ монадою, атомомъ съ самобытною энергіей и обладающимъ способностію перцепціи. «Существуютъ, говоритъ онъ, только субстанціальныя атомы, т. е. реальныя единицы, неимѣющія никакихъ частей,

<sup>1</sup> Monadol. §§ 66 и 69.

<sup>2</sup> Consideratio sur le princip. de vie, въ началѣ. Epistol. ad Des Bosses. Erdm. стр. 436.

<sup>3</sup> Monadol. §§ 67 и 70.



которыя были бы источниками дѣйствій; ихъ можно назвать метафизическими точками; они имѣютъ нѣкоторую жизнь и видъ перцепціи; эти математическія точки открыты для отображенія въ нихъ вселенной»<sup>1</sup>. «Принципъ жизни существуетъ не иначе, какъ въ тѣлахъ органическихъ»<sup>2</sup>. Тѣло существа живого или животнаго всегда будетъ органическое. Существуетъ всюду жизнь, соединенная съ членами или органами»<sup>3</sup>.

Но обратимся къ психологій Лейбница.

Перцепція, ощущеніе и апперцепція. «Картезианцы, говоритъ Лейбницъ, впали въ ту ошибку, что считали за ничто перцепціи, которыхъ мы не сознаемъ»<sup>4</sup>. На этомъ пунктѣ остановилъ свое вниманіе Лейбницъ и изслѣдовалъ вопросъ о перцепціи съ иной точки зрѣнія, чѣмъ Декартъ, сдѣлавши отсюда выводы, сообразные съ изслѣдованіями.

Прежде всего нужно убѣдиться въ томъ, есть ли такія перцепціи, которыхъ мы не сознаемъ? По Лейбницу, такія перцепціи существуютъ; о ихъ существованіи мы узнаемъ по извѣстнымъ слѣдствіямъ, отъ нихъ происходящимъ. «Существуютъ, говоритъ онъ въ «Новыхъ опытахъ о человѣческомъ разумѣ», перцепціи мало обозначающіяся, которыя недостаточно различаются, чтобы воспринять ихъ и помнить; но онѣ познаются чрезъ извѣстныя послѣдствія»<sup>5</sup>. А priori мы должны допустить, что «всѣ впечатлѣнія производятъ на насъ свой дѣйствія; но мы знаемъ, что не всѣ дѣйствія непременно замѣчаются нами; когда я обращаюсь болѣе въ одну сторону, чѣмъ въ другую, то это часто происходитъ отъ сочетанія самыхъ малыхъ впечатлѣній, которыхъ я не воспринимаю и которыя дѣлаютъ извѣстное движеніе болѣе за-

<sup>1</sup> *Leibn. Opera philosophica*, edit. Erdman. стр. 126.

<sup>2</sup> *Consider. sur le principe de vie*, въ началѣ.

<sup>3</sup> *Principes de la nature et de la grâce*. § 4.

<sup>4</sup> *Monadologie*. § 14 *Principes de la nature et de la grâce*. § 4.

<sup>5</sup> *Nouveaux Essais sur l'entendement humain*. Liv. II. Chap. 1. § 10.



труднительнымъ, чѣмъ другое. Всѣ наши необдуманнныя дѣйствія суть результаты сочетанія малыхъ перцепцій; равно какъ наши привычки и страсти»<sup>1</sup> и т. д.

И такъ нужно различать два вида перцепцій: несознаваемые и сознаваемые. Лейбницъ предлагаетъ называть первыя перцепціями (*perceptio*), а вторыя — апперцепціями (*apperceptio*).

Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ и другія изъ указанныхъ перцепцій стоятъ въ тѣсной связи между собою. Глубже лежатъ малыя несознаваемые перцепціи; ихъ слѣдуетъ назвать первичными перцепціями; онѣ непосредственно соединены съ природою монадъ. По ученію Лейбница, «монада по природѣ способна къ перцепціи»<sup>2</sup>. Въ связи съ стремленіемъ (*appetitus*) перцепція производитъ постоянныя измѣненія (модификаціи) въ монадѣ. «Душа имѣетъ въ себѣ перцепціи и стремленія и ими-то сохраняется ея природа»<sup>3</sup>. Качества и внутреннія дѣйствія (монады).... не могутъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ перцепціями (т. е. представленіями сложнаго или того, что существуетъ внѣ насъ, въ простомъ) и стремленіями (отъ одной перцепціи къ другой) которыя составляютъ принципъ перемѣны»<sup>4</sup>. «Переходное состояніе), въ которомъ замыкается и представляется множество въ единствѣ или въ простой субстанціи), есть именно то, что мы называемъ перцепціей, которую слѣдуетъ строго отличать отъ апперцепціи»<sup>5</sup>. Вообще «перцепція есть не

<sup>1</sup> Ibid. § 15.

<sup>2</sup> Monadologie. § 19.

<sup>3</sup> Epistola ad Bierlingium Erdm. стр. 678.

<sup>4</sup> Principes de la nature et de la grace. § 2.

<sup>5</sup> Natura ejus est praesentativa. Monades perceptione praeditae esse. Epistol. ad Des Rosses. Erdm. стр. 438.

<sup>6</sup> Monadologie. § 14. Non omnem perceptionem esse sensationem, sed dari perceptionem etiam insensibilem.



что иное, какъ впечатлѣніе многого въ единомъ», «сложнаго въ простомъ», вишняго во внутреннемъ<sup>1</sup>.

Но, не вдаваясь въ дальнѣйшія указанія мѣстъ изъ сочиненій Лейбница, относящихся къ его ученію о перцепціи въ монадѣ, ученію во всякомъ случаѣ метафизическому, каково и самое ученіе о монадѣ, перейдемъ къ ощущенію и апперцепціи. Здѣсь Лейбницъ держится большею частію на почвѣ опыта.

Апперцепція, въ противоположность перцепціи, есть производное, вторичное, сложное. Здѣсь слѣдуетъ говорить объ ощущеніи (*sensio*) и чувствѣ (*sentiment*).

Первое условіе возможности ощущенія есть то, что ощущающее существо должно быть органическимъ тѣломъ, имѣть органы, приспособленные къ тому, чтобы ощущать<sup>2</sup>. «Если, говоритъ Лейбницъ, монада имѣетъ органы, приспособленные такъ, что при помощи ихъ остается слѣдъ отъ впечатлѣній и существуетъ возможность различенія въ впечатлѣніяхъ, которыя они воспринимаютъ, и слѣдовательно — въ перцепціяхъ, которыя представляютъ ихъ (впечатлѣнія) (какъ, напр., когда съ помощію фигуры жидкостей въ глазахъ лучи свѣта бываютъ сконцентрированы и дѣйствуютъ съ большею силою), то можетъ послѣдовать ощущеніе, т. е. перцепція, сопровождаемая памятью, — знаніе, отъ котораго остается на долгое время извѣстный отголосокъ, дабы при случаѣ сдѣлаться снова извѣстнымъ»<sup>3</sup>. Въ данномъ случаѣ тѣлесный органъ служить, по-видимому, тому, чтобы: а) сконцентрировать, собрать въ одно малыя впечатлѣнія и тѣмъ усилить ихъ дѣйствіе, или возвысить степень впечатлѣнія, интенсивность его; б) онъ служить мѣстомъ, въ которомъ

<sup>1</sup> *Perceptio nihil aliud est, quam illa ipsa repraesentatio variationis externae in intern. De anima brutorum VIII. Isque correspondens interni et externi seu repraesentatio externi in interno, compositi in simplice, multitudinis in unitate vera perceptionem constituit. Epistol. ad Wagnerum.*

<sup>2</sup> *Epistol. ad Bierlingium. Erdm. стр. 678.*

<sup>3</sup> *Principes de la nature et de la grâce. § 4. Nouv. Ess. Livr. II, p. 1. § 17.*



остается слѣдъ отъ сильныхъ впечатлѣній, нѣкоторая задержка ихъ, что полагаетъ тѣлесное основаніе памяти и открываетъ возможность дѣятельности мысли различающей. На необходимость извѣстной силы впечатлѣнія, чтобы послѣдовало ощущеніе, Лейбницъ указываетъ и въ другомъ мѣстѣ. Раздраженія (*irritations*) въ желудкѣ, говоритъ онъ, происходятъ постоянно; но для того, чтобы они произвели ощущеніе голода, нужно, чтобы они были достаточно сильны»<sup>1</sup>.

Въ связи съ указаннымъ условіемъ стоитъ характерное свойство представленій, получаемыхъ чрезъ ощущеніе: они — смѣшанны, спутанны, неясны<sup>2</sup>. Это свойство представленій вытекаетъ изъ того, что они происходятъ изъ множества малыхъ представленій, которыя воспринимаются чрезъ чувственный органъ въ совокупности, какъ одно представленіе. Когда мы воспринимаемъ, говоритъ Лейбницъ, цвѣта и запахи, то не имѣемъ никакого другого представленія, исключая представленія фигуръ и движеній; эти фигуры и движенія такъ многочисленны и малы, что нашъ умъ въ его настоящемъ состояніи не можетъ познать ихъ ясно по-одиночкѣ и поэтому не замѣчаетъ того, что его представленіе состоитъ изъ очень малыхъ фигуръ и движеній». «Если, напр., говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, смѣшиваются два порошка, желтый и синій, такъ-что изъ нихъ происходитъ зеленый, то душа воспринимаетъ оба порошка — желтый и синій, потому что если-бы часть состава не дѣйствовала на нее, то и цѣлое не дѣйствовало бы; это состояніе души (*hanc passionem*), которое она испытываетъ отъ желтаго и синяго порошка, я называю перцепціей его. Но эта перцепція смѣшанна (*confusa*)<sup>3</sup> и скрыта въ ощущеніи зеленаго цвѣта, и цвѣта желтый и синій отнюдь нами не воспринимаются, такъ-какъ они

<sup>1</sup> Nouv. Ess. Livr. II. Ch. I. § 19.

<sup>2</sup> Modif. de cognit., verit. et ideis, въ началѣ.

<sup>3</sup> «Чувства сообщаютъ намъ смѣшанныя мысли». Théodic. § 289.



скрыты въ зеленомъ». «Равнымъ образомъ, чтобы воспринять шумъ моря, нужно воспринять по-частямъ то, что составляетъ цѣлое, т. е. воспринять шумъ, производимый каждою волною; не смотря на это, каждая часть шума можетъ быть воспринята только въ соединеніи со всѣми другими частями и не была бы замѣчена, если-бы производила шумъ только одна волна»<sup>1</sup>. Еще примѣръ: если кто-нибудь держитъ передъ мною правильный многоугольникъ, то я не могу объять глазомъ и соображеніемъ тысячу сторонъ его; поэтому, я имѣю только образъ или смѣшанное представленіе о фигурѣ и числѣ ея сторонъ»<sup>2</sup>.

Изъ этого можно уже отчасти понять то, какъ Лейбницъ долженъ былъ отнестись къ ученію Декарта о первичныхъ и вторичныхъ качествахъ. Говоря объ ощущеніяхъ и представленіяхъ, отсюда происходящихъ, Лейбницъ не дѣлаетъ между ними различія; онъ говоритъ о всѣхъ вообще представленіяхъ, сюда относящихся, не дѣлая никакой оговорки, никакого исключенія въ пользу представленій, идущихъ чрезъ тотъ или другой органъ. Ясно, что онъ въ этомъ случаѣ на-сторонѣ Гоббса и противъ Декарта. Онъ согласенъ съ Гоббсомъ и въ томъ отношеніи, что каждое ощущеніе носить на себѣ субъективный характеръ, и представленіе, отсюда получаемое, не соотвѣтствуетъ предмету, вѣкъ насъ существующему<sup>3</sup>. Но въ этомъ пунктѣ мы напрасно стали бы искать тождества между ученіемъ Гоббса и Лейбница; напротивъ — есть существенная разница въ ученіи того и другаго. Говоря о вторичныхъ качествахъ, онъ замѣчаетъ слѣдующее: «Не слѣдуетъ воображать того, чтобы идеи цвѣта и боли были произвольны и безъ отношенія или естественной связи съ ихъ причинами. Я скорѣе скажу, что есть

<sup>1</sup> Nouv. Ess. Avant-propos.

<sup>2</sup> Nouv. Ess. Livr. II, ch. XXIX. § 8 и 13.

<sup>3</sup> Suivant les affections du (corps) elle (monade) représente... les chose qui sont hors d'elle. Princ. de la nature et de la grâce. § 3.



сходство, хотя неполное, не *in terminis*, такъ-сказать, но выразительное»<sup>1</sup>. «Остается истиннымъ, заключаетъ Лейбницъ, то, что когда органъ и среда надлежащимъ образомъ установлены, то внутреннія движенія и идеи, которыя представляютъ ихъ душѣ, сходны съ движеніями предметовъ, которые производятъ свѣтъ и причиняютъ боль, или, что то-же, выражаютъ ихъ чрезъ отношеніе довольно точно, хотя это отношеніе не представляется намъ раздѣльно, потому что мы не сумѣемъ распутать этого множества малыхъ впечатлѣній ни въ нашей душѣ, ни въ нашемъ тѣлѣ, ни въ томъ, что внѣ насъ»<sup>2</sup>.

Не должно быть опущено изъ вниманія при изложеніи ученія Лейбница объ ощущеніи то, что онъ, при объясненіи происхожденія ощущений, обратилъ вниманіе на конструкцію органовъ ви́шнихъ чувствъ. Онъ говоритъ о приспособленности органовъ къ ощущенію, о томъ, какую роль играетъ въ органѣ зрѣнія жидкость для происхожденія ощущенія, и проч. Такимъ образомъ то различіе ощущений, которое у Декарта объяснялось различными способами и модификаціями движеній, у Лейбница объясняется конструкціей и приспособленностію чувственныхъ органовъ. «Перцепціи души всегда по природѣ соотвѣтствуютъ конституціи тѣла»<sup>3</sup>. Свѣтъ не является въ глазахъ, дурно устроенныхъ<sup>4</sup>.

Нельзя, конечно, не сознаться, что это высказывается Лейбницемъ большею частію аргіогі на основаніи общаго философскаго міровоззрѣнія; но послѣднее подготовлено естественно-научными изслѣдованіями въ области микроскопическихъ наблюденій надъ организмами живыхъ существъ (какъ сказано нами раньше). Сваммердамъ наблюдалъ подъ микроскопомъ глазъ многихъ насѣкомыхъ и нашелъ, что онъ состоитъ изъ множества

<sup>1</sup> Nouv. Essais. Livr. II, ch. VIII, § 13. <sup>2</sup> Ibid. § 21.

<sup>3</sup> Nouv. Ess. Livr. II, ch. I, § 17.

<sup>4</sup> Ibid. ch. VIII, § 21.



граней, изъ которыхъ каждая, по его мнѣнію, можетъ быть разсматриваема, какъ малый глазъ; поэтому, въ глазѣ одновременно отражается множество предметовъ согласно съ его приспособленностію. Конечно, въ связи съ этимъ изслѣдованіемъ является у Лейбница метафизическое положеніе: «каждая монада есть зеркало вселенной»; вселенная имѣетъ совершеннѣйшій порядокъ и гармонію, поэтому и въ представленіяхъ, т. е. въ представленіяхъ души, а слѣдовательно и въ тѣлахъ, какъ въ пунктахъ представленія, должна быть гармонія и порядокъ»<sup>1</sup>. Тѣла живыхъ существъ суть машины; но эти машины существенно отличаются отъ искусственныхъ машинъ, сдѣланныхъ руками человѣка, потому что въ машинахъ природы, т. е. органическихъ тѣлахъ, каждая малѣйшая частица есть въ свою очередь машина до безконечности (*Machinae naturae, h. e. corpora viventia, sunt adhuc machinae in minimis partibus usque in infinitum*)<sup>2</sup>. Самая душа человѣка представляетъ видъ духовнаго автомата.

Еще одно замѣчаніе объ ощущеніи (по ученію Лейбница). Лейбницъ отличаетъ ощущеніе въ собственномъ смыслѣ отъ перцепціи и апперцепціи; оно занимаетъ среднее мѣсто между тѣмъ и другимъ. Ощущеніе порождается перцепціями, но иначе, какъ подъ условіемъ существованія органическаго тѣла и въ частности — спеціальнаго органа, концентрирующаго множество малыхъ представленій; апперцепція же вырастаетъ на основаніи ощущенія, но иначе, какъ при участіи рефлексіи мысли и подъ условіемъ продолженія ощущенія и существованія памяти его. Не можетъ быть сомнѣнія, что оптика и катоптрика вліяли своими представленіями на то понятіе объ ощущеніи и чувственномъ органѣ, которое устанавливаетъ Лейбницъ. «Лучи свѣта, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, идущіе отъ безконечнаго числа предметовъ чрезъ малое отверстіе, не смѣшиваясь между собою,

<sup>1</sup> Monadol. § 63. <sup>2</sup> Ibid. § 64. Théodic. § 52.



какъ можно видѣть на опытѣ въ камеробескурѣ, указываетъ намъ образъ, чтобы гипотетически судить о тонкости нематеріальныхъ (*spirituelles*) предметовъ; эти лучи въ основаніи еще тѣлесны, потому что они способны къ отраженію».

Общая характеристика перцепціи и ощущенія такова: перцепція вполне объективна, ощущеніе, напротивъ, субъективно; первая несознаваема, второе сознается; первая проста, второе сложно; первая примитивна, второе производно; первая представляетъ родъ, второе составляетъ уже видъ рода. Какъ объективныя и простыя, перцепціи неизмѣнны и всегда одинаковы; не таковы ощущенія: каждое живое существо ощущаетъ сообразно съ устройствомъ и приспособленностію чувственныхъ органовъ<sup>1</sup>; совершенство и развитіе органическихъ живыхъ существъ не одинаково; вслѣдствіе этого ощущеніе одного и того-же у различныхъ существъ различно (*quamvis itaque quaelibet monas creata totum universum repraesentet, multo tamen distinctius repraesentat corpus ipsi peculiari ratione adaptatum*)<sup>2</sup>. Въ ощущеніи обнаруживается начало психической индивидуальности въ противоположность универсальности перцепціи. Съ ощущеніемъ соединяется элементъ страстности: они пріятны или непріятны, перцепціи индифферентны для насъ.

Безотчетное безпокойство (*inquiétude*), страсти наклонности и воля. Въ параллель съ перцепціями и ощущеніями слѣдуетъ остановиться на безотчетномъ безпокойствѣ, страстяхъ и наклонностяхъ, зарожденіе которыхъ находится въ области несознаваемаго и которыя не выступаютъ часто отчетливо въ сознаниіи, опредѣляя безотчетно для насъ наши дѣйствія или проявляясь безотчетнымъ для насъ стремленіемъ, безпокойствомъ, тревогою и т. д.

<sup>1</sup> *Omnis monas creata est corpore aliquo praedita, secundum quod percipit appetitque. Epistola ad Bierlingium.*

<sup>2</sup> *Les corps organiques ne diffèrent pas moins en perfection que les esprits a qui ils appartiennent. Théodic. § 124.*



При объясненіи Лейбницемъ указанныхъ состояній играютъ первенствующую роль тѣ-же малыя несознаваемые нами перцепціи, о которыхъ говорилось раньше. «Эти малыя перцепціи, говоритъ онъ, распространяють свое дѣйствіе дальше, чѣмъ думаютъ. Онѣ образуютъ, я не знаю какъ, вкусы, образы чувственныхъ качествъ, ясныя въ-совокупности, но спутанныя въ-отдѣльности, впечатлѣнія, которыя производятъ на насъ тѣла, окружающія насъ, и которыя раскрываютъ передъ нами безпредѣльность, связь, которую имѣетъ каждое существо со всею остальною вселенною. Можно сказать, что влѣдствіе этихъ малыхъ перцепцій настоящее полно будущимъ и обременено прошедшимъ.... Тѣ-же неощущаемыя перцепціи намѣчаютъ и создаютъ тотъ индивидуумъ, который мы начертали, съ помощію слѣдовъ, чрезъ которые онѣ сохраняють предшествующія состоянія, связывая ихъ съ его настоящимъ состояніемъ..... Онѣ даютъ средства для воспоминанія въ-случаѣ нужды чрезъ періодическое развертываніе того, что разъ уже пріобрѣтено.... Слѣдуетъ присоединить еще, что эти же малыя перцепціи опредѣляютъ безъ всякой мысли повороты; обыкновенно ошибочно понимается явленіе индифферентнаго равновѣсія, какъ будто бы для насъ безразлично направиться въ правую, напр., или въ лѣвую сторону» и т. д. «Однимъ словомъ, значеніе неощущаемыхъ перцепцій въ пневматикѣ такъ-же велико, какъ значеніе молекулъ въ физикѣ; одинаково неразумно отвергать тѣ и другія подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ недоступны воспріятію нашихъ чувствъ»<sup>1</sup>.

Какъ метафизикъ, Лейбницъ принадлежитъ, собственно говоря, къ разряду философовъ-идеалистовъ; но въ физикѣ онъ сочувствуетъ атомистамъ, а не Декарту. «Я, говоритъ онъ, держусь того взгляда, что субстанція по природѣ не можетъ быть безъ дѣйствія и что нѣтъ тѣла безъ движенія»<sup>2</sup>. Подтвержде-

<sup>1</sup> Nouv. Essais. Avant-propos. <sup>2</sup> Ibid.



ніе этого онъ находитъ въ экспериментѣ и въ изслѣдованіяхъ атомиста Бойля. «Экспериментъ говоритъ въ мою пользу, продолжаетъ онъ, и чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ обратиться къ книгѣ знаменитаго Бойля противъ абсолютнаго покоя»<sup>1</sup>. Но возвратимся къ психологіи.

Въ «Новыхъ опытахъ о человѣческомъ разумѣ» Лейбницъ обращаетъ особенное вниманіе на душевное состояніе, называемое обыкновенно безотчетнымъ безпокойствомъ или тревогою (*inquiétude*). Всякому извѣстно это состояніе по непосредственному опыту. Гдѣ же его причина? Лейбницъ видитъ эту причину въ тѣхъ-же малыхъ неощущаемыхъ перцепціяхъ, о которыхъ сказано выше и которыя играютъ здѣсь роль малыхъ неощущаемыхъ импульсовъ, или возбужденій. «Если вы принимаете, говоритъ Теофиль Филалету, безотчетное безпокойство за настоящее неудовольствіе, то въ такомъ случаѣ я не согласенъ съ тѣмъ, что оно происходитъ отъ извѣстной одной причины. Причиною его большею частію бываютъ неощущаемыя перцепціи, которыя можно назвать неощущаемыми страданіями, если только страданіе понимается не въ смыслѣ апперцепціи. Эти малые импульсы состоятъ въ постоянномъ стремленіи къ освобожденію отъ малыхъ стѣсненій, надъ чѣмъ не думая работаетъ наша природа. По-истинѣ въ этомъ состоитъ безотчетное безпокойство, которое чувствуется, но не сознается; оно дѣлаетъ насъ страстными даже тогда, когда мы по-видимому, наиболѣе спокойны»<sup>2</sup>. Въ другомъ мѣстѣ Лейбницъ говоритъ: «но возвратимся къ безотчетному безпокойству, т. е. къ малымъ невоспринимаемымъ возбужденіямъ, которыя всегда держатъ насъ въ напряженіи; это — рѣшенія къ дѣйствию спутанныя, такъ-что часто мы не знаемъ, чего намъ недостаетъ, между-тѣмъ-какъ въ наклонностяхъ и страстяхъ мы знаемъ, чего требовать.

<sup>1</sup> Nouv. Essais. Avant-propos.

<sup>2</sup> Nouv. Ess. Livr. II, ch. XXI. § 36.



Поэтому мы не индифферентны въ ту минуту, когда мы кажемся такими, напр. когда обращаемся въ правую, а не въ лѣвую сторону въ концѣ аллеи. Ибо сторона, въ которую мы направляемся, обусловливается этими невоспринимаемыми рѣшеніями. Маятникъ часовъ по-нѣмецки называется *Unghe*. Можно сказать, что есть нѣчто подобное и въ нашемъ тѣлѣ, которое никогда не бываетъ въ совершенномъ покоѣ, потому что, когда произойдетъ новое впечатлѣніе отъ предметовъ, небольшое измѣненіе въ органахъ, во внутренностяхъ, въ сосудахъ, то сначала нарушится равновѣсіе и за-тѣмъ послѣдуетъ нѣкоторое незначительное усиліе, чтобы придти въ лучшее состояніе, какое возможно»<sup>1</sup>. Въ заключеніе Лейбницъ говоритъ, что безотчетное безпокойство одинаково присуще и удовольствію, понимаемому опять-таки не въ смыслѣ апперцепціи. «Безпокойство находится и въ удовольствіи, ибо оно возбуждаетъ человѣка, дѣлаетъ его активнымъ, полнымъ надежды, чтобы идти дальше»<sup>2</sup>. Въ тѣхъ-же неоощаемыхъ перцепціяхъ находится начало страстей и наклонностей. Но послѣднія отличаются отъ первыхъ тѣмъ-же, чѣмъ отличаются ощущенія отъ перцепцій, т. е. сознаніемъ. «Въ безотчетномъ безпокойствѣ мы часто не знаемъ, чего намъ недостаетъ, между-тѣмъ-какъ въ наклонностяхъ и страстяхъ мы знаемъ, чего требовать». Человѣкъ никогда не находится въ положеніи полного индифферентнаго равновѣсія, которое описываютъ схоластики, когда доказываютъ существованіе въ человѣкѣ свободной воли. Это состояніе есть фикція; оно придумано схоластиками для того, чтобы показать, что есть въ человѣкѣ состояніе, когда единственно свободная воля рѣшаетъ — на какую сторону онъ долженъ склониться и какъ поступить. Правда, нельзя отвергать того, что онъ имѣетъ свободу въ дѣйствіяхъ; но нужно знать, какъ эта свобода достигается и въ чемъ она состоитъ. Во-первыхъ, су-

<sup>1</sup> Ibid. ch. XX, § 6. <sup>2</sup> Ibid. chap. XX, § 6, и chap. XXI, § 36.



ществуютъ примитивныя рѣшенія къ дѣйствію. Защитники свободной воли въ схоластическомъ смыслѣ едва-ли согласятся съ тѣмъ, что эти рѣшенія зависятъ отъ свободной воли, такъ-какъ они создаются, въ противоположность единству воли, цѣлымъ рядомъ малыхъ невоспринимаемыхъ импульсовъ. Объ этихъ примитивныхъ рѣшеніяхъ можно сказать одно, что они слѣдуютъ извѣстному закону стремленія ко благу, къ самосохраненію индивидуума, къ удобствамъ, удовольствію и проч.; слѣдовательно, наши дѣйствія въ самомъ началѣ опредѣляются и рѣшаются нашею собственною природою, дѣйствующею цѣлесообразно, а не механическими законами дѣйствія матеріи, какъ это въ извѣстныхъ случаяхъ доказывалъ Декартъ. Малые невоспринимаемые импульсы присущи всѣмъ безъ исключенія нашимъ рѣшеніямъ къ дѣйствію; они ни минуты не оставляютъ насъ въ состояніи безразличія и равновѣсія, чтобы дать мѣсто дѣйствію свободной воли. Не говоря уже о томъ, что свободная воля есть выдумка схоластиковъ, она была бы излишня въ нашей природѣ рядомъ съ основнымъ, глубоко лежащимъ въ ней, стремленіемъ къ самосохраненію, ко благу, совершенству и прч. Правда, мы не всегда точно слѣдуемъ въ своихъ дѣйствіяхъ требованіямъ нашей натуры, стремящейся къ совершенству. Но нужно знать, отъ чего это происходитъ. Это — явленіе естественное и объясняется изъ той-же нашей природы. Такъ-какъ неизбѣжно для насъ имѣть спутанныя, неясныя представленія, то неизбѣжно ошибаться въ своихъ дѣйствіяхъ, когда они рѣшаются подъ непосредственнымъ вліяніемъ этихъ представлений. Здѣсь мы являемся несвободными въ своихъ дѣйствіяхъ, хотя и здѣсь не оставляетъ насъ стремленіе ко благу и совершенству, что доказывается тѣмъ, что наши ошибки въ указанномъ случаѣ не постоянны. Человѣкъ имѣетъ возможность вполне свободно рѣшать и направлять свои дѣйствія согласно требованіямъ своей нравственной природы. Эта свобода зависитъ отъ разума, или



отъ ясныхъ и раздѣльныхъ представленій, достигаемыхъ нами при помощи разума. И такъ, у человѣка существуютъ свободныя дѣйствія; но они зависятъ не отъ свободной воли въ смыслѣ схоластиковъ, а отъ разума.

Вотъ нѣкоторые мѣста изъ сочиненій Лейбница, сюда относящіяся. «Не слѣдуетъ воображать, что наша свобода состоитъ въ неограниченности или въ безразличномъ равновѣсїи, какъ будто бы должна существовать одинаковая наклонность на сторону и да и нѣтъ и на разныя стороны, если представить много ихъ»<sup>1</sup>. «Наши примитивныя рѣшенія не происходятъ извнѣ». «Хотѣніе есть усиліе или стремленіе (*conatus*) идти къ тому, что считается добромъ, и избѣгать того, что считается зломъ»<sup>2</sup>. Хотѣніе, которое состоитъ изъ рѣшенія, вытекающаго изъ полного, абсолютно неопредѣленнаго индифферентизма, равносильно хотѣнію, которое въ-сущности вытекаетъ изъ ничто»<sup>3</sup>. Душа свободна въ своихъ дѣйствіяхъ тамъ, гдѣ она имѣетъ раздѣльныя мысли и гдѣ она получаетъ внушеніе отъ разума. Свобода состоитъ въ разумѣ, который развиваетъ раздѣльное знаніе о предметѣ разума<sup>4</sup>.

### ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Таковъ первый періодъ развитія психологіи подъ вліяніемъ успѣховъ естественныхъ наукъ. Въ-виду того, что изложено нами на предъидущихъ страницахъ, едва-ли кто рѣшится смѣло утверждать, что въ этотъ періодъ ничего не сдѣлано для изученія психическихъ явленій съ научной точки зрѣнія, даже не было попытки поставить психологію на путь научнаго изслѣдованія. Теперь, послѣ ознакомленія съ тѣмъ, какіе психологиче-

<sup>1</sup> Théodic. § 35. Lettre à M. Coste. <sup>2</sup> Nouv. Essais. Livr. II, ch. XXI, § 5.

<sup>3</sup> Théodic. § 320. <sup>4</sup> Ibid. § 288.



скіе вопросы занимали психологовъ XVII вѣка и какъ рѣшались эти вопросы, какіе методы употреблялись для ихъ рѣшенія и проч., не трудно опредѣлить достоинство и недостатки того, что сдѣлано указанными психологами и собрано нами, какъ характерное въ психологическихъ трудахъ XVII вѣка.

Прежде всего вновь народившіяся въ XVII вѣкѣ (и еще раньше) науки даютъ поводъ и возможность мыслителямъ того времени выяснить и опредѣлить въ теоріи то, что слѣдуетъ считать научнымъ, и какая цѣль и задача науки вообще. Этими вопросами занимаются Декартъ, Гоббсъ и друг. Узнать и изучить въ мірѣ (необходимое и постоянное, прослѣдить и узнать генезисъ и происхожденіе вещей и ихъ причины — вотъ цѣль и задача науки вообще. Подъ вліяніемъ этихъ общихъ теоретическихъ понятій о наукѣ вообще дѣлаются усилія и предпринимаются попытки сдѣлать наукою и психологію, т. е. изучить и въ области психическихъ явленій необходимое и постоянное, прослѣдить генезисъ и происхожденіе ихъ и узнать причины. Всего труднѣе было сдѣлать это въ наукѣ о человеческомъ духѣ (какъ было указано нами въ своемъ мѣстѣ); тѣмъ не менѣе въ теоріи было твердо и безповоротно установлено, что это возможно сдѣлать и должно быть сдѣлано. Первые опыты такого изслѣдованія, сдѣланные психологами XVII вѣка въ тѣхъ сферахъ психической жизни, которыя болѣе наглядно указывали на необходимость и постоянство повторяющихся психическихъ фактовъ, подтверждали справедливость теоріи и вызывали надежды на дальнѣйшій успѣхъ въ предпринятыхъ изслѣдованіяхъ. Но напередъ нужно было расчитаться съ нажитыми предразсудками и расчистить путь къ новымъ изслѣдованіямъ. На это потребовалось не мало труда, смѣлости, силы и напряженія ума въ ущербъ положительнымъ изслѣдованіямъ.

Все писатели, на которыхъ мы остановились, единодушно признавали важность и необходимость въ научныхъ изслѣдованіяхъ



опредѣленнаго и точнаго метода, къ какой бы области эти изслѣдованія ни относились. Въ своихъ психологическихъ изслѣдованіяхъ они руководились обыкновенно тѣмъ методомъ, съ помощію котораго сдѣланы успѣхи въ той или другой изъ естественныхъ или математическихъ наукъ; по крайней мѣрѣ они сами большею частію указываютъ на это. Но въ общемъ мы замѣчаемъ у всѣхъ ихъ безъ исключенія преобладаніе дедуктивнаго метода; даже разница двухъ обозначившихся направленій не повліяла измѣняющимъ образомъ на методъ. Что же касается до индуктивнаго метода, то мы напрасно стали бы искать въ XVII вѣкѣ его приложеніе къ психологическимъ изслѣдованіямъ, исключая развѣ одного небольшого образца въ сочиненіи Бэкона<sup>1</sup>. Конечно, наблюденіе и отчасти опытъ начинаютъ занимать, въ противоположность схоластикѣ, подобающее имъ мѣсто; но рядомъ съ этимъ апріорность играетъ видную роль въ изложенныхъ нами психологическихъ дедукціяхъ. Въ XVII вѣкѣ преобладаетъ метафизика, но метафизика въ лучшемъ смыслѣ слова. Ея заслуга состоитъ въ томъ, что всѣ ея стремленія направлены къ устраненію изъ представленій человѣка о мірѣ и вселенной всего случайнаго и всякаго произвола; она подчиняетъ необходимости и законамъ не только вселенную, но и всѣ высшія существа и даже Бога, какъ это сдѣлалъ по крайней мѣрѣ Спиноза. Такое направленіе умовъ благоприятствовало развитію дедукціи. Да и науки, которыя развивались въ то время, были по преимуществу дедуктивныя, каковы математика и механика.

Но мы были бы несправедливы, если-бы, говоря о методѣ психологовъ XVII вѣка, ограничились указаніемъ на одну лишь дедукцію; съ этой одной точки зрѣнія мы не оцѣнили бы вполнѣ заслугъ указанныхъ психологовъ. Конечно, мы должны, уважать и цѣнить первыя смѣлыя попытки мыслителей XVII вѣка объ-

---

<sup>1</sup> Этотъ образецъ приведенъ нами въ другомъ сочиненіи — «О методахъ изслѣдованія и доказательства». Харьковъ. 1877.



яснить нѣкоторыя психическія явленія изъ механическихъ и физическихъ законовъ путемъ вывода и дедуктивныхъ заключеній. Но эти объясненія не удержались и не могли удержаться, какъ научныя приобрѣтенія, потому что концепціи, взятая изъ одной области знаній, цѣликомъ безъ измѣненія переносились въ совершенно другую область для объясненія иныхъ явленій, и приемъ приложенія этихъ концепцій къ явленіямъ иного рода былъ слишкомъ элементарный и не научный (объясненія даются при помощи сравненія и уподобленія). Болѣе серьезнаго вниманія въ научномъ отношеніи заслуживаетъ другой методическій приемъ, употребляемый психологами XVII вѣка: классификація и опредѣленія. Къ этому методическому приему относятся болѣею частію свисока, называя его описательнымъ методомъ, не приводящимъ къ окончательнымъ научнымъ результатамъ. Мы согласны съ тѣмъ, что онъ есть методъ элементарный; но онъ есть вмѣстѣ методъ болѣе подходящий и полезный на первой ступени развитія такой науки, какъ психологія, изучающая естественную исторію явленій духа, такъ что, по нашему мнѣнію, изученіе психическихъ явленій въ XVII вѣкѣ по указанному методу соотвѣтствовало естественному ходу развитія нашей науки. Результаты, достигнутые при помощи этого метода психологами XVII вѣка, оказались болѣе положительными и прочными для науки, чѣмъ объясненія по дедуктивному методу. Достаточно указать на многія положенія, выработанныя Гоббсомъ въ области субъективной психологіи, чтобы убѣдиться въ этомъ. Они повторяются и развиваются не только психологами XVIII вѣка: Локкомъ, Беркли, Юмомъ, Гертли и друг. англійскими и французскими мыслителями, но и въ XIX вѣкѣ — Броуномъ, Джемсомъ Милемъ, Дж.-С. Милемъ, Бэномъ и другими, даже Спенсеромъ. Такъ-какъ указанный методъ выработанъ былъ въ XVII вѣкѣ подъ непосредственнымъ вліяніемъ геометрическаго метода и образцомъ служила главнымъ образомъ такъ-называемая син-



тетическая геометрія, то въ психологіи, разрабатываемой по этому методу, усвоена руководительная идея восхожденія отъ простѣйшихъ явленій къ сложнымъ и объясненія послѣднихъ изъ первыхъ. Эта идея одинаково присуща психологическимъ изслѣдованіямъ Декарта, Гоббса, Спинозы и Лейбница. Благодаря ей, получило въ глазахъ психологовъ характеръ сложнаго и производнаго то, что схоластиками считалось простымъ и производнымъ, каковы способности души, намыѣченный популярнымъ языкомъ. Въ параллель и въ связи съ этимъ идея необходимости вытѣсняетъ постепенно изъ сферы психическихъ явленій случайное и произвольное; психологія ищетъ точки опоры въ необходимомъ и постоянномъ. Даже Лейбницъ, который во многомъ симпатизировалъ схоластикамъ, является противникомъ схоластическаго ученія о свободной волѣ.

На первой же ступени развитія психологіи, какъ науки, выдвигаются два направленія. Въ своемъ изложеніи мы старались по-возможности указать разницу въ изслѣдованіяхъ двухъ школъ. Эта разница получаетъ свое начало въ метафизическихъ воззрѣніяхъ представителей этихъ школъ; но эти воззрѣнія повліяли на самыя психологическія изслѣдованія. Хотя Декартъ и Лейбницъ одинаково слѣдуютъ методу восхожденія отъ простаго къ сложному, тѣмъ не менѣе въ метафизическомъ вопросѣ о матеріи и духѣ, по самому существу этого вопроса, должны были искать другаго пути для рѣшенія его. Этотъ путь оказался различнымъ у того и другаго. Декартъ воспользовался методомъ противопоставленія, принимая за истинное положеніе, что «все различное въ идеѣ различно и въ дѣйствительности». Отсюда дуализмъ Декарта: духъ и тѣло различны и независимы другъ отъ друга. Лейбницъ, на-оборотъ, держался идеи монизма и слѣдовалъ методическому правилу, усвоенному въ школѣ, что матерію, форму и движеніе слѣдуетъ «не разрывать, а лишь различать въ мысли», и вообще «абстракціи,

*Монизмъ*  
64



сюда относяціяся, не принимать за отдѣльныя реальности». Согласно съ этими метафизическими воззрѣніями психическая жизнь, по Декарту, начинается только тамъ, гдѣ проявляется сознание; она проявляется лишь въ разумѣ и волѣ и находится только въ челоѣкѣ; все, что мы имѣемъ общаго съ животными, вытекаетъ изъ дѣйствія матеріи и движенія безъ всякаго участія психическаго элемента. Хотя Гоббсъ иначе, чѣмъ Декартъ, посмотрѣлъ на интеллектъ и волю, признавая ихъ сложными и производными психическими актами, тѣмъ не менѣе психическая область, и по его взгляду, есть также область сознаемаго нами; все же прочее объясняется дѣйствіемъ механическихъ законовъ. Первый психическій фактъ можетъ быть отмѣченъ въ ощущеніи, на сколько послѣднее является внутреннимъ сознательнымъ актомъ, заключающимъ въ себѣ различіе и память. По Лейбницу, психическая жизнь существуетъ раньше сознаемаго, — ее нужно искать въ области несознаемаго. Ощущеніе слѣдуетъ признать сложнымъ не только потому, что въ немъ участвуютъ физическій и психическій элементы, но и потому, что оно на самомъ дѣлѣ сложно и со стороны психической: оно состоитъ изъ суммы малыхъ перцепцій, которыя отдѣльно не воспринимаются и не сознаются. Для Лейбница психическая жизнь существуетъ не только у животныхъ (о челоѣкѣ и говорить нечего), но даже и въ растеніяхъ. «Я склоненъ думать, говорить онъ, что есть нѣкоторая перцепція и стремленіе и въ растеніяхъ по причинѣ большого сходства, которое существуетъ между растеніями и животными»<sup>1</sup>. Вслѣдствіе различнаго взгляда на начало проявленія психической жизни въ челоѣкѣ, Декартъ и Лейбницъ различно объясняютъ происхожденіе безотчетныхъ движеній, совершаемыхъ нами безъ участія сознаваемой воли и представленія: Декартъ объясняетъ ихъ исключительно дѣйствіемъ нашего тѣла, какъ машины; Лейбницъ видитъ въ

<sup>1</sup> Nouv. Essais. Livr. II, chap. IX, § 11.



нихъ дѣйствіе малыхъ неоощуемыхъ перцепцій, которыя въ данномъ случаѣ играютъ роль импульсовъ къ дѣйствію въ извѣстномъ направленіи. Гоббсъ склоненъ объяснять всѣ такъ-называемыя имъ животныя движенія сознательными стремленіями, являющимися подъ вліяніемъ представленія послѣ уже ощущенія и опыта; вообще онъ видитъ въ нихъ вторичный, производный фактъ, прошедшій первоначально чрезъ ощущение пріятнаго или непріятнаго, такъ что онъ какъ-бы не признаетъ существованія въ насъ такихъ явленій, на которыхъ останавливается Лейбницъ, вращаясь въ области несознаемаго, между-тѣмъ-какъ послѣдній особенно занимается ими и приписываетъ имъ весьма большое значеніе въ нашей сознательной психической жизни. Гоббсъ больше смотритъ во-внѣ и здѣсь старается найти причину и первоначальный источникъ возникающихъ въ насъ различныхъ психическихъ явленій; Лейбницъ больше обращается во внутрь, къ нашей природѣ, и въ ней ищетъ основаній зарожденія этихъ явленій. По Декарту, Богъ создалъ наше тѣло, какъ машину; по Лейбницу, тѣло создаетъ сама монада, которая обладаетъ пластическою силою, или, точнѣе, монада немислима безъ нѣкотораго тѣла. Того-же пластическою силою<sup>1</sup> монады согласно перцепціи создаются чувственные органы, которые приспособляются къ назначенной цѣли такъ, что каждый изъ нихъ собираетъ и концентрируетъ извѣстнаго рода малыя перцепціи, дабы такимъ образомъ сдѣлать возможнымъ ощущеніе, требующее извѣстной силы и интенсивности впечатлѣній. Такимъ образомъ органъ является пассивнымъ воспринимателемъ впечатлѣній, какъ стекло воспринимаетъ лучи свѣта, или зеркало — образы предметовъ, въ нихъ отражающихся. По Гоббсу, чувственный органъ не остается пассивнымъ, когда на него дѣйствуютъ впечатлѣнія отвнѣ, онъ реагируетъ. Образъ предмета или представление является, по ученію Гоббса, какъ результатъ различ-

<sup>1</sup> На этомъ особенно настаивалъ Глиссонъ.



нымъ образомъ сочетающихся движеній, идущихъ съ двухъ сторонъ — отъ предмета и со стороны органа и измѣненныхъ, при взаимной встрѣчѣ, въ реакціи. По ученію Лейбница, представленіе является согласно формѣ или устройству приспособленнаго къ тому органа; впрочемъ, существенный характеръ представленія зависитъ не отъ формы или устройства, а отъ характера малыхъ перцепцій, концентрируемыхъ органомъ. Такъ-какъ чувственный органъ формируется самою монадою для воспріятія извѣстныхъ перцепцій, то онъ является прямо приспособленнымъ для этого воспріятія и не можетъ произвести существеннаго измѣненія въ нихъ; отъ формы и устройства органа зависитъ лишь то, что воспринимаемое множество перцепцій въ представленіи (апшерцепціи) является единствомъ, носящимъ на себѣ нѣкоторый производный какъ-бы случайный отпечатокъ или образъ.

Можно бы было продолжать противопоставленіе психологическихъ ученій представителей двухъ школъ, напр. ученій о способностяхъ души вообще, о разумѣ, волѣ и проч., но для нашихъ цѣлей считаемъ достаточнымъ того, что сказано. Лейбницемъ написано цѣлое большое сочиненіе — «Новые опыты о человеческомъ разумѣ», въ которомъ онъ излагаетъ и объясняетъ различіе психологическихъ ученій двухъ школъ. Въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи предмета мы будемъ встрѣчаться съ этими психологическими ученіями такъ, какъ они развивались дальше. Поэтому, пусть читатель не спѣшитъ пока своимъ приговоромъ и заключеніями.